

Герой ее романа

Автор:

Олег Рой

Герой ее романа

Олег Юрьевич Рой

Капризы и странности судьбы

Однажды под бой курантов Алина Белкина загадала желание – уже на следующий Новый год подержать в руках свою изданную книгу. Но не зря говорят, бойся своих желаний, ведь иногда они оборачиваются совершенно неожиданной стороной, а потому даже слава не принесла Алине настоящего счастья и не избавила от одиночества. Где же тот, кого она ждет, герой ее собственного романа? Может быть, пришло время загадать новое желание?

Олег Рой

Герой ее романа

© Резепкин О., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Памяти моего сына Женечки посвящается

Когда люди вырастают, они не перестают любить сказки, а просто начинают стесняться этого и скрывать свою любовь.

Пролог

Верите ли вы в чудеса? Раз в год, с приближением новогодних праздников, даже самые закоренелые скептики, иногда не признаваясь в этом даже себе, начинают верить в чудо. Кто из нас не загадывал желание под бой курантов, надеясь, что в новом году все непременно будет по-новому и притом самым прекрасным образом, в то, что все печали, трудности, разочарования останутся в прошлом, словно старый изъеденный молью ковер, а с собой мы возьмем только счастье, удачи и радости.

Под Новый год загадываются самые важные, самые искренние желания, и, самое странное, иногда они сбываются...

Случилась эта история, конечно же, аккурат под Новый год, когда на улицах сияли причудливые новогодние гирлянды, а воздух наполнял аромат свежих еловых веток и... чуда.

Собственно, началось все с того урока, на котором ученица одиннадцатого класса Алина Белкина поспорила с новой литераторшей. До середины осени русский и литературу у них вела другая учительница, молодая и красивая, которую в классе очень любили. Но затем Наталья Викторовна ушла в декретный отпуск, а вместо нее пришла новая училка – Светлана Михайловна, гораздо старше и строже. Такая сухощавая, длинноносая, с каким-то помятым лицом и с некрасивой прической, а к тому же в скучном бордовом костюме. И, конечно же, одиннадцатый «А» тут же решил, что она противная. А даже если и не противная, то все равно плохая. Уж точно хуже Натальи Викторовны. Хотя бы потому, что Наталья Викторовна замечательная, и лучше ее не бывает.

Так что встретили новую учительницу недоверчиво, и впоследствии она вполне подтвердила сложившееся впечатление, усиленно гоня класс по всей программе и не давая спуска даже в эти предпраздничные дни. Да что там, сама

атмосфера радостного ожидания праздника в ее присутствии меркла. В последний учебный день перед каникулами Светлана Михайловна проявила неожиданную мягкость и, вместо традиционного опроса по пройденному, предложила всем желающим высказаться о современной литературе.

После таких слов добрая половина класса тут же опустила головы и втихаря уткнулась в свои гаджеты. Далеко не все любили читать, и еще меньше было готово распространяться на эту тему при всем честном народе. Но нашлись и такие, кто охотно откликнулся на предложение учительницы, так что рук пять или шесть все же поднялось. Говорили в основном о фэнтези, которое нравилось и парням, и девчонкам, только, как правило, разное. Вспомнили, конечно, и «Гарри Поттера», и Тэрри Пратчетта, и Ведьмака, и Дьяченко, и «Игру престолов» Мартина, хотя с последним ребята явно были знакомы больше по сериалу, чем по книгам. Кое-кто из девочек признался в любви к книгам Дарьи Донцовой, а храбрая Кира Григорьева даже отважилась заявить, что прочитала «Пятьдесят оттенков серого» и ей очень понравилось.

Откровение Киры Светлана Михайловна пропустила мимо ушей и насчет фэнтези и детективов тоже распространяться не стала, а только вздохнула, пробурчав что-то вроде: «Ну, конечно, я так и думала. Что элитная школа, что обычная – картина одна...» и быстренько перевела разговор на «настоящую» литературу, как она это назвала. И выразила надежду, что одиннадцатый класс будет читать больше серьезных, а не развлекательных книг, которые, в отличие от «легкого чтива», действительно полезны для ума и для души. И вот тут-то Алина Белкина, которая до сих пор отмалчивалась, не выдержала и поднялась с места.

– Светлана Михайловна, а почему вы считаете, что развлекательная литература – это так уж плохо? – поинтересовалась она. – Я вот как раз, наоборот, думаю, что должно быть как можно больше легких, добрых и позитивных книг. А то в серьезной литературе, о которой вы говорите, почему-то всегда... ну, почти всегда все очень тяжело, грустно и мрачно. Почитаешь Достоевского или каких-нибудь «Господ Головлевых» – и прямо повеситься хочется, честное слово!

– Как известно, литература должна отражать жизнь, – прозвучало в ответ. – А жизнь вообще не самая веселая штука.

– Ну, так тем более! – возразила Алина. – Если в жизни так много плохого, разве хорошие книги должны расстраивать людей еще сильнее? Разве они не должны

утешать, отвлекать от неприятностей, вселять надежду, показывать и хорошие стороны жизни, а не только плохие? Это как «игра в радость», в которую играла Полианна! [1 - Полианна – героиня опубликованного в 1913 году романа-бестселлера американской писательницы Элеонор Портер (1868–1920). Жизненный принцип Полианны – так называемая The Glad Game («игра в радость»), которая помогает находить даже в самых негативных явлениях позитивные моменты и благодаря этому менять свое отношение к грустным и проблемным ситуациям, позволяя справляться с ними.]

Светлана Михайловна усмехнулась.

– Ну, такой, с позволения сказать, издательской продукции, о которой ты говоришь, выпускается как раз немало. Всякие дамские романчики, развлекательные детективчики и прочие книжонки в бумажных обложках. Эту макулатуру, собственно, и литературой-то назвать нельзя... Несколько раз я пыталась читать подобное, но так и не сумела до конца осилить, настолько примитивным оказывалось это чтиво. Только жаль было напрасно потерянного времени.

– Может, вам просто не повезло? – не сдавалась Алина, которая как раз обожала любовные романы, как отечественные, так и переводные, и читала их запоем. – И вам не попалась хорошая книга?

– Сдается мне, что в подобном развлекательном жанре просто не может быть хороших книг, – хмыкнула Светлана Михайловна, но, взглянув на пылающие щеки и горящие возмущением глаза Алины, смягчилась и добавила: – Ну, разве что ты сама когда-нибудь напишешь такую книгу. А теперь садись, и давайте продолжим разговор о настоящей литературе.

В тот день литература была последней, так что, возвращаясь домой, Алина и ее лучшая подруга Кира еще долго обсуждали спор с учительницей.

– Она просто дура! – возмущалась Алина.

Они шли по улице, ничто на которой не говорило о приближении Нового года. Снега не было, зато на асфальте кое-где виднелись лужи. Казалось, что идет бесконечная унылая осень.

– Ну, может, и не совсем дура, но ограниченная, – вторила Кира. – Неспособна видеть дальше своего длинного носа. Раз ей что-то не нравится – значит, это вообще не имеет права на существование.

– Вот бы утереть ей этот ее длинный нос! – мечтала Алина. – Дать прочесть какую-нибудь хорошую книгу... Екатерины Вильмонт, например... Чтобы она поняла, что и хорошая литература может быть позитивной!

– Не,дохлый номер, – покачала головой Кира, поправляя на плече новенькую сумку от Valentino. – Она наверняка и читать не станет. Ей будет «жаль напрасно потерянного времени», – передразнила она очень похоже, и подруги дружно расхохотались.

– Вот если бы ты действительно сама написала книгу... – отсмеявшись, задумчиво проговорила Кира после недолгой паузы. – Тогда бы она точно ее прочла, хотя бы из любопытства.

– А что? И напишу! Вот возьму – и напишу! – тут же загорелась Алина. – Вот получится у меня бестселлер – тогда она будет знать!

– Конечно, получится, – тут же поддержала Кира. – Ты очень хорошо пишешь, мне ли этого не знать! У тебя и фанфики здорово выходят, и рассказы... Особенно этот, последний, про зеленоглазого незнакомца в кабриолете.

– Да, но книга – это не фанфик, и даже не рассказ, – всерьез задумалась Алина. – Это гораздо труднее. Ведь надо будет придумать сюжет на целый роман!

– Ничего, ты справишься! – Кира не допускала и тени сомнения. – Ну, и я тебе помогу, чем сумею. Так что вперед! Дерзай!

– Ладно, попробую, – кивнула Алина и перевела разговор на другую тему: – Слушай, а Мишка Соловьев к тебе до сих пор равнодушен. А тебе он совсем-совсем не нравится? Ведь он же красавчик! Сколько девчонок все на свете бы отдали, чтобы оказаться на твоём месте!

– Да ну его... – Кира сморщила нос и процитировала Грибоедова: – «Лицом и голосом герой не моего романа»...

Снова ненадолго задумалась, а потом просияла:

– Точно! Алинка, смотри, какое классное название я придумала для твоей будущей книги! «Герой ее романа»! А? По-моему, здорово.

– Да, название хорошее, – согласилась Алина. – С таким названием книга точно станет бестселлером. И я уже примерно представляю, о чем она будет. Эх, вот еще бы узнать, кто станет героем моего романа... Не в книге, а в жизни...

Этот Новый год девочкам разрешили встретить вместе, у Киры, мама которой пригласила в гости еще нескольких своих подруг. Алина и Кира чувствовали себя совсем взрослыми, сидя за столом вместе с другими, и даже пригубили под бой курантов немного шампанского.

Глядя на высокую, украшенную красными и белыми игрушками и бантиками елку, Алина загадала только одно: уже на следующий Новый год или немного позже подержать в руках свою первую изданную книгу. «И чтобы эта книга не оказалась последней», – торопливо дополнила желание девочка.

Что загадала Кира – неизвестно, ведь о желаниях обычно не говорят, чтобы не сглазить, – однако по ее мечтательной улыбке становилось понятно, что и она пожелала что-то не менее прекрасное и масштабное.

А за окном шел долгожданный снег, что по нынешним временам частенько само собой приравнивается к чуду. Снежинки кружились в медленном белом танце, и казалось, что волшебство уже плетет свою сеть...

Глава первая

Служенье муз не терпит суеты

Казалось бы, разговор, состоявшийся тем декабрьским днем, должен был вскоре забыться, навсегда потонуть в потоке других, куда более важных дел, которых в последний школьный год у выпускниц всегда более чем достаточно. Но ничуть

не бывало! Идея написать собственный бестселлер и тем самым доказать вредной училке, что и развлекательная книга может заслуживать внимания, запала Алине в душу. Алина и раньше хотела стать писательницей, но до того спора на уроке как-то не думала об этом всерьез. Хотя...

С самого детства, сколько себя помнила, Алина пыталась сочинять. Еще задолго до того, как научилась читать и писать. Посмотрев мультфильм или послушав сказки, которые она постоянно просила родителей почитать, маленькая Алина всегда рассказывала продолжение истории. Ей было любопытно, что же могло случиться с героями дальше, и она придумывала это, заставляя маму и папу восхищаться ее неумемной фантазией.

После сказочных персонажей Алина переключилась на любимых кукол. В ее воображении фигуристая блондинка Барби и ее мужественный друг Кен, а также их многочисленные приятели, знакомые и детишки жили такой бурной и насыщенной событиями жизнью, что взрослые только ахали – им бы ничего подобного и в голову никогда не пришло! Куда там «Санта-Барбаре»!

Нередко, едва проснувшись утром, Алина продолжала историю, которую придумала вчера. Дело дошло до того, что родители стали тревожиться за девочку. Ведь их единственная и очень любимая дочка настолько погрузилась в мир собственных фантазий, что вымышленные герои были ей ближе и понятнее живых людей. Взрослые боялись, что столкновение с реальностью окажется для нее слишком болезненным и может травмировать нежную детскую душу. Поэтому и в детский сад Алину не отдавали, благо не было такой необходимости, и школу выбирали очень тщательно; в итоге остановили свой выбор на самой лучшей в районе.

К счастью, все обошлось сравнительно благополучно. Алина без особых сложностей втянулась в школьную жизнь, нашла общий язык с одноклассниками и неплохо училась. А ее богатое воображение только помогало в учебе. Изложения и сочинения, написанные Алиной, были всегда самыми лучшими, учителя зачитывали их вслух перед классом и на родительских собраниях и отправляли на всевозможные районные и городские конкурсы, где работы Алины Белкиной почти всегда занимали призовые места.

На день рождения – Алине исполнилось десять лет – ей подарили толстую тетрадь в твердой розовой обложке. Тетрадь эта заперлась на маленький золотой замочек. Замочек словно призывал быть откровенной, доверять тетради

самые заветные мечты и желания, а уж он надежно сохранит их от чужого глаза. Появление этой тетради в корне изменило жизнь Алины. Она стала вести дневник и в своих ежедневных записях уже не фантазировала, а рассказывала о событиях, случившихся с ней в школе и дома. И тут-то Алина поняла, насколько труднее писать об обыденных вещах, чем о выдуманных, как непросто бывает довести текст до конца и как нелегко иногда подобрать нужное выразительное слово. Алина добросовестно записывала все, что видела и чувствовала, но ярких событий в ее жизни не наблюдалось. Писать о простом, ежедневном так, чтобы это было увлекательно и занятно, оказалось очень трудно, и получалось плохо. Золотой замочек явно был недоволен такими неинтересными записями. Но и эти записи сыграли свою роль: Алина вскоре поняла, что в жизни редко происходит что-то любопытное или красивое, похожее на сказку. Чтобы было интересно, нужно включать воображение, отпустить фантазию в вольный полет.

Надо сказать, подобное открытие совсем не разочаровало Алину, а только подтвердило ее смутные догадки о природе творчества. Она снова стала сочинять, сначала сказки, точнее, волшебные истории, где главной героиней была девочка Алина, и внешне, и по характеру очень похожая на автора. А через несколько лет сказочные истории сменились романтическими. Как раз в это время она влюбилась в популярного эстрадного исполнителя, с которым, конечно, даже не была знакома. Вот тут-то и началось, даже ничего не пришлось придумывать: Алина стала поверять дневнику свои бурные переживания и постоянно рождающиеся в ее воображении картины знакомства с кумиром, мечты о том, как мог бы развиваться их роман, и возможные финалы: от хеппи-энда с белым платьем и фатой до трагедии – его несчастной гибели или собственного суицида. Получалось даже интереснее, чем телесериалы, аниме и драмы. Во всяком случае, так считала лучшая подруга Кира – единственный человек, кому Алина показывала свой дневник. Кира всей душой сопереживала виртуальной любовной истории и однажды даже уговорила свою маму сводить их на концерт «героя романа» Алины – без взрослых их туда бы еще не пустили. Елена Игоревна взяла билеты в партер, но подруги не усидели на месте, пробились в первые ряды фан-зоны и провели там все время, громко подпевая, прыгая и хохоча от восторга, да так, что на них обратил внимание один из музыкантов – симпатичный длинноволосый блондин. В финале последней композиции он подошел к краю сцены и под восторженный визг толпы виртуозно исполнил соло на гитаре, а, закончив, подмигнул зрителям. Алина и Кира не сомневались, что подмигивание предназначалось именно им, и счастьем девочек не было предела. Все это, конечно, на другой же день оказалось подробно описано в дневнике. Золотой замочек довольно поблескивал и как-то особенно надежно запирался. Первая любовь Алины продолжалась три месяца.

Потом в розовой тетради закончились чистые страницы, а вместе с ними пришла к завершению и влюбленность в певца.

К одиннадцатому классу – к тому моменту, когда произошел спор с учительницей, – Алина уже часто писала рассказы, в основном фанфики или подражания любимым фильмам-мелодрамам и любовным романам, которые читала целыми пачками. Вернувшись домой, она сразу же, вместо домашних заданий, засела за большой роман и заодно объявила домашним, что наконец-то определилась с выбором вуза – будет поступать в Литературный институт имени А. М. Горького и напишет книгу. Как и следовало ожидать, это признание совсем не вызвало у родителей восторга.

Папа, топ-менеджер крупной известной компании, души не чаял в дочке, готов был исполнять все ее капризы и практически никогда ни в чем ей не отказывал. Но даже он после заявления Алины почесал в рано полысевшем затылке и ласково проговорил:

– Институт, допустим, не проблема, да и издать книгу сейчас несложно, имелись бы деньги. Но дальше... Детка, ну подумай сама, какие у тебя шансы на этом, так сказать, поприще? Посмотри, сколько сейчас выходит книг и наших, и переводных. Ты просто утонешь в этом потоке. Как бы хорошо ты ни писала, но в таком изобилии ты потеряешься, тебя никто не заметит. Чтобы обратить на себя внимание, нужна мощнейшая реклама: телевидение, Интернет, глянец... Не хочется даже думать, во что мне это обойдется. И потом, дальше-то что? Ну, издадим мы твою книгу, ну поговорят о ней, да и забудут, а ты что станешь делать? Не будешь же ты всю жизнь этой ерундой заниматься? Нет уж, давай договоримся так: поступаешь в нормальный вуз, а я тебе дарю в честь поступления хороший автомобиль. Какую бы марку ты ни выбрала, мне это обойдется намного дешевле, чем рекламная кампания твоей книги.

Алина растерялась и молчала, не зная, что на это ответить. И тут в разговор вступила мама.

– Папа, как всегда, прав. Писательница – это не профессия, а баловство! – безапелляционно заявила Софья Альфредовна, которая гораздо меньше церемонилась с дочерью, чем отец. – Причем баловство дорогостоящее. Так что выброси из головы эти глупости и выбирай, как мы и планировали, между Высшей школой экономики и Юридической академией. И не затягивай с решением – уже давно пора нанимать репетиторов, чтобы готовиться.

Спорить со столь «разумными» доводами совсем не хотелось. В глубине души Алина была уверена, что пишет не так, как другие, а гораздо лучше. А если поступит в литературный, то станет писать еще лучше. И это значит, ее заметят и оценят, не могут не заметить и не оценить! Она не «утонет в потоке», ее книгами будут зачитываться, рекомендовать их другим и дарить, как самый лучший подарок. И это без всякой «дорогостоящей рекламной кампании». Но высказывать такое вслух было бы нескромно, так что оставалось только печально кивнуть и согласиться с родителями.

С тех пор Алина прилежно готовилась к ЕГЭ и поступлению, занималась с репетиторами и училась в одиннадцатом классе если не на одни пятерки, то, во всяком случае, без единой тройки. Но от своей мечты не отказалась и тайком от родителей продолжала писать роман. Это было ее главным секретом, о котором знал только один человек – Кира Григорьева. Деятельная подруга никак не могла смириться с тем, что родители Алины, как выразилась Кира, «стали на пути дочери к призванию», и все время, как могла, поддерживала начинающую писательницу. Однажды Кира предложила:

– Давай вместе поступим в Полиграфический. В смысле в Университет печати. Я узнавала, там есть редакторский факультет. Конечно, это не Литературный институт, но и после него у тебя будет почти профессиональное образование.

– Ты надумала поступать в Университет печати? – Алина так удивилась, что не сразу ответила на предложение подруги. Она была уверена, что Кира, страстно увлеченная модой и всем, с ней связанным, наверняка станет дизайнером одежды или в крайнем случае пойдет по стопам своей мамы, откроет сеть бутиков и превратится в бизнес-леди. Но Кира возразила, что бутиков с них в семье уже хватит, а для того, чтобы по-настоящему хорошо придумывать одежду, ей, Кире, все-таки не хватает таланта. Поэтому она решила стать владелицей глянцевого журнала, который со временем обязательно будет таким же авторитетным изданием, как *Harper's Bazaar*, *Vogue* и *Cosmopolitan*. Но, конечно, успех придет не сразу. Сначала Кира собирается получить профильное образование и несколько лет поработать в каком-нибудь глянцевом журнале, все узнать и только уже потом начать собственный бизнес.

Предложения Киры поступать вместе с ней Алина не приняла. Одно дело – сочинять удивительные истории, погружаться в собственный волшебный мир, придумывать характеры персонажей и вершить, как демиург, их судьбы, и

совсем другое – править чужие тексты, выискивая в них ошибки, натяжки и неточности. Никакого полета фантазии, сплошное занудство! Нет, быть редактором она не хотела. Эта специальность не просто не привлекала Алину, но даже казалась обидной. Как носить вместо брендовой вещи китайскую или турецкую подделку. Пусть на сумочке и красуется фирменный логотип, но все равно всем видно, что сделана она не из хорошей кожи, а из дешевого заменителя.

Так что после школы (оконченной, кстати, с очень приличными баллами по ЕГЭ) Алина все же подала документы в Юридическую академию и поступила туда без особых проблем. Училась, правда, на платном отделении, но зачеты и хорошие отметки на экзаменах получала сама, без участия родителей и каких-либо договоренностей с преподавателями. И дипломную работу защитила на отлично, хотя уже к началу пятого курса твердо знала, что юристом не будет – нет ни желания, ни необходимости. Ее мечта уже сбылась – вопреки сомнениям родителей, Алина Белкина стала настоящей писательницей.

И во многом это была заслуга ее верной подруги. Энергичная, нетерпеливая, полная дерзких планов Кира решила, что тратить пять лет на учебу, а потом еще примерно столько же на профессиональное становление и карьеру – это непозволительная роскошь. Время бежит так быстро, жизнь так коротка! А двигаясь к цели подобными темпами, Кира сможет открыть свой журнал лет в тридцать, то есть чуть ли не под старость. Ждать так долго подруга не желала и потому решила поступать на вечернее отделение, чтобы совмещать работу с учебой. Конечно, это тяжело, но зато к моменту выпуска у нее уже будут не только теоретические знания, но и пятилетний профессиональный опыт.

Сказано – сделано. Используя свои многочисленные связи в профессиональной сфере, Елена Игоревна сразу после школы устроила дочь секретарем в издательство известного глянцевого журнала. Кира поступила в Университет печати на вечернее отделение и успешно совмещала учебу с работой, где никогда не ограничивалась выполнением прямых обязанностей. Она наблюдала за работой редакторов, журналистов, фотографов, училась у них, постоянно просила что-то ей объяснить, показать, растолковать. И вскоре на страницах журнала стали появляться ее маленькие заметки, отредактированные ею материалы и сделанные ею фотографии.

Алина была на втором курсе, когда Кира показала коллегам один из рассказов своей подруги, – и рассказ в издательстве понравился. Его напечатали в

журнале, потом еще один, и еще, и еще. Алина Белкина стала предлагать рассказы и в другие журналы схожего направления, где в большинстве случаев их охотно принимали, а через некоторое время даже стали специально заказывать. С подачи все той же Киры Алина завела блог, публиковала заметки и свои рассказы. И как-то на удивление скоро блог стал популярен, число его читателей, а точнее, читательниц, росло день ото дня.

Алина была плодовитым автором, она относилась к числу тех счастливицев, чьи тексты рождаются легко и быстро. Короткие рассказы для журналов и Интернета не стали пределом ее творческих возможностей. Однажды ей пришел в голову сюжет любовной истории, явно претендовавший на больший объем, чем журнальные десять тысяч знаков, – и результатом стал полноценный роман, написанный всего за два с половиной месяца. Алина сама до конца не могла поверить, что сотворила такую крупную вещь. Смущаясь и робея, она все-таки показала текст главному редактору одного из журналов, где печаталась, тому понравилось, и он познакомил начинающую писательницу с редактором из известного издательского дома. В итоге через несколько месяцев вышла книга в яркой обложке – первый роман Алины Белкиной из серии «Капризы Купидона». Роман имел успех. Надо было ковать железо, пока горячо. И Алина засела за работу.

Вскоре свет увидел еще один роман, а потом и следующий. К пятому курсу Алина Белкина уже была автором четырех любовных романов, тиражи которых постоянно допечатывали. На магазинных полках книги не залеживались – поклонницы творчества Белкиной, знакомые с ним по гляncy и Интернету, с восторгом восприняли известие, что их любимая писательница работает теперь и в крупном жанре. Прочитав роман, они рекомендовали его своим знакомым – и это «сарафанное радио» служило лучшей рекламой, чем уличные билборды и телевизионные ролики, на которые когда-то жаль было денег Алининому папе. Впрочем, и подобная реклама тоже присутствовала, папа был прав – в современном мире без нее никак нельзя. Но тут часть расходов уже взяло на себя издательство. Постеры в магазинах и на транспорте, воблеры на полках книжных, глянецовые журналы, публикующие эссе и интервью с Алиной Белкиной, создавали образ успешной молодой писательницы, одновременно и романтической, и современной до глубины души.

С течением времени книги Алины становились все популярнее. Они подкупали своей искренностью, красотой описаний, увлекательностью сюжета, а прежде всего – добротой и позитивностью. За ними чувствовалось не только старание и

способности автора, но и дыхание подлинного таланта. То есть то самое, что ни за какие деньги не купят гламурные дамочки, мечтающие увидеть свое имя на обложке столь же гламурных, как они сами, пособий об «искусстве быть красивой», грязноватых сказок о жизни за забором Рублевки или сборника советов, как ловчее всего поймать олигарха в брачную западню. Алина обладала особым талантом – душевной свободой, которая ярко проявлялась в ее романах. Именно поэтому они находили отклик в душе у читателей, созвучный их собственным переживаниям, и становились бестселлерами. После окончания академии Алине не нужно было устраиваться на работу – книги не просто «кормили» ее, но и обеспечивали более чем безбедное существование, особенно после того, как по ее романам начали снимать сериалы и фильмы. Так что в двадцать восемь лет Алина Белкина уже была одним из самых читаемых отечественных авторов. И почти счастливым человеком. Почти.

«Извини, мы больше не можем встречаться», – Алина перечитала текст эсэмэски и вздохнула. Ну вот, очередной роман остался в прошлом. Как раз накануне Нового года. А ведь она планировала встретить праздник вместе с Вадимом – импозантным брюнетом, популярным радиоведущим, с которым и познакомилась на одном из эфиров. Вадим был сладкоголос, хорош собой и... совершенно непредсказуем. Он то тащил Алину в путешествие: «Я купил горящие путевки, вылетаем через два дня, у меня как раз образовалось свободное время», то пропадал на несколько месяцев. Встретить Новый год вместе они договаривались еще в августе – и вот, пожалуйста.

– Кира, он меня бросил! – сообщила Алина по телефону своей лучшей подруге.

И неожиданно услышала в ответ:

– Поздравляю! Давно было пора расстаться с этим эгоистом! Помнишь, я же тебе советовала!

С этим и не поспоришь: Кира откровенно не любила Вадима, и это чувство было полностью взаимно.

– Но... а как же... – забормотала Алина... – Так не поступают! Прямо накануне праздника!

– Вот и не потащишь в новый год всякий ненужный хлам и бесперспективные отношения. В Италии, между прочим, в это время принято старье из окна выбрасывать. Так что можешь сказать своему Вадиму спасибо и начать жизнь с нового листа. А на праздник я сама к тебе приеду. Посидим вдвоем, поболтаем между нами девочками...

В глубине души Алина была согласна с подругой. Отношения с Вадимом и вправду оказались утомительными и пустыми, но она сама никак не могла сделать решающий шаг, запутавшись в них, как в липкой паутине.

«Эх, будь что будет, – решила девушка, – Кира права: все к лучшему!»

В этот зимний день накануне Нового года Алина возвращалась домой, неся в хрустящем бумажном пакете ярко-оранжевые шары вкусно пахнущих мандаринов и новую елочную игрушку в виде уютного сердечка, расшитого бисером и стеклярусом. С тех пор как девушка поселилась одна, она каждый год покупала к празднику какую-нибудь новую игрушку. В прошлом году это была белочка с покрытым серебристым напылением хвостом, приобретенная в антикварном отделе, в этом – недорогая игрушка фабричного производства. Алина никогда не гонялась за редкими или дорогими вещами и считала, что главная функция новогодней игрушки – приносить радость.

Алина жила в собственной квартире в Крылатском площадью около двухсот метров и рассекала по Москве и окрестностям на серебристо-голубой «Ауди ТТ». Могла позволить себе одеваться в бутиках, несколько раз в год ездить на отдых, наслаждаться посещением модных ресторанов, клубов, спа-салонов, сеансов йоги, фитнеса и вообще всего того, что так нравится современным молодым женщинам. Другая на ее месте окунулась бы в омут красивой жизни с головой и барахталась бы в нем до изнеможения. Другая – да, но для Алины вся эта мишура была не слишком важна, она относилась к ней не как к смыслу существования, а лишь как к приятному дополнению своей жизни.

Остановившись на крыльце, девушка оглянулась на припорошенную свежеснегом улицу, напоминающую декорации к старой новогодней сказке, и улыбнулась. Настроение, несмотря на окончание очередных неудачных отношений, было самое новогоднее, и как никогда хотелось верить в чудо. Надменный господин, проживавший где-то на верхних этажах и обычно не замечавший Алину, придержал для нее дверь и даже буркнул: «С наступающим». Вроде мелочь, но девушка увидела в ней благоприятный знак.

Поднимаясь в лифте, она жадно вдыхала аромат мандаринов, особенно сильный после морозца, и тихонько мурлыкала под нос самую известную новогоднюю детскую песенку.

Оказавшись в квартире, Алина первым делом повесила сердечко на елку – конечно, искусственную, – ей было жаль живые деревья, обреченные на смерть ради сиюминутного человеческого удовольствия, а мандарины положила прямо в мишуру, разложенную вокруг ствола. Затем выбрала самую пушистую гирлянду и украсила ею узкий стеллаж с книгами. На каждом из цветных корешков было написано одно и то же имя – «Алина Белкина». Этот стеллаж составлял предмет Алининой гордости. Помнится, в одиннадцатом классе она так мечтала подержать в руках свою первую изданную книгу. Даже загадала на Новый год желание. И оно сбылось.

– Ну вот и хорошо! – проговорила девушка, оглядев результаты своей работы. – Что еще нужно?.. И хорошо, что мы с Вадимом расстались, пусть теперь другая дура его сюрпризы терпит. Наверняка он уже нашел кого-то!

В этот момент мобильный пиликнул, сообщая о поступлении нового сообщения. «Еду мимо, скоро буду у тебя», – прочитала Алина и вздохнула. Мама, как всегда, не озаботилась спросить, ждет ли ее дочь и нет ли у той на вечер собственных планов. Но что поделаешь, в этом была вся мама.

Алинина мама совсем не походила на мать Киры, Елену Игоревну, скорее являлась полной ее противоположностью. Елена Игоревна для своей дочери всегда была скорее подругой, чем матерью, никогда не давила на нее, в любой момент была готова выслушать и поддержать, как могла. Софья Альфредовна так настойчиво и неустанно воспитывала дочь, что через пару лет после окончания академии Алька, по маминому выражению, сбежала из родительского дома, то есть продала квартиру, доставшуюся ей в наследство от бабушки, добавила кое-что из своих сбережений, купила собственное жилье и перебралась туда. И наконец-то вздохнула свободно... Точнее, попыталась вздохнуть, потому что мама и здесь ухитрилась добираться до нее и мучить поучениями и «добрыми советами». Потому что такая мелочь, как жизнь под разными крышами, маму не останавливала. Материнская любовь расстояний, так же, как и пощады, не знает. Ведь дочурка, как считала Софья Альфредовна, без ее ценных указаний и шагу не могла ступить, не наделав непоправимых ошибок.

Еще года два-три назад маму по большей части волновала дочкина легкомысленно оголенная в холода поясница, легкая куртка, ее режим дня и питания, содержимое ее холодильника... в общем, весь дочкин, как она выражалась, «неуклюжий быт», на поддержание которого у Алины просто не оставалось времени. Но потом дело повернулось еще круче. С некоторых пор главной заботой Софьи Альфредовны стала личная жизнь Алины. Эта тема неизбежно возникала практически каждый раз и по телефону, и во время их встреч.

– Детка, не пора ли тебе перестать жить в вымышленном мире и вернуться к реальности? – голосом глубоко озабоченного человека спрашивала Софья Альфредовна, никогда не забывавшая своих давних опасений по поводу неумной фантазии дочери.

– У меня все нормально, мама, – пыталась отбиваться Алина.

Но куда там! Если уж Софья Альфредовна садилась на своего любимого конька, ее ничем нельзя было остановить.

Вот и сейчас, едва войдя в квартиру и скинув на пуфик укороченную норковую шубку, мама приступила к разведке боем.

– Ну как, уже решила, где Новый год будешь праздновать?

Алина, морально готовая к вопросу, все же снова вздохнула. Хорошо, что она не рассказывала маме про Вадима, справедливо опасаясь ее неодобрения, зато теперь не придется объяснять, что ее бросили.

– Не хочется никуда идти, – нарочито беспечно сказала Алина, проводя маму в комнату. – Ты же знаешь, что я не особо люблю эти клубы, суету... Придет Кира. Посидим с ней, отпразднуем...

– Доченька, но тебе уже двадцать восемь! – напомнила мама, усаживаясь на мягком кожаном диване и принимая из рук дочери чашку с чаем. – Пришло время задуматься о семье, о детишках. Ведь женский век так короток! Между прочим, в мое время молодых мам твоего возраста акушеры уже называли пожилыми первородками.

– Ой, как это ужасно звучит! «Первородки»! – поморщилась писательница Алина, доставая из шкафа имбирное печенье. – Словно речь идет о корове...

– А я тебе о чем толкую! – гнула свое Софья Альфредовна. Она взяла тоненькое печенье, повертела его в руках, словно сомневалась в съедобности, но все же надкусила и продолжила: – Пора, пора обзаводиться детьми. Или хотя бы замуж выйти. Посмотри на своих подруг. Кира уже второй раз развелась, а ты все никак в ЗАГС не сходишь. Да и вообще, я не понимаю, как ты можешь писать любовные романы, не имея толком опыта в отношениях с мужчинами? Эти твои кавалеры... Димка, Петька, да этот, как его там... в картошке который копается... А, вспомнила, Андрей – это ж просто курам на смех, а не женихи! Они даже ухаживать за тобой не умели. Я уж не говорю о знании правил хорошего тона – когда приходишь в гости, приноси цветы маме невесты. Ладно, обойдусь я как-нибудь без их букетов – свои цветы в горшках выращиваю. Но скажи мне, сколько можно витать в облаках и создавать героев, которых на белом свете нет? Алиночка, ау! Пора вырасти из детских фантазий и заканчивать с любовными романами, которые существуют только на бумаге! Главное предназначение женщины – семья, а не работа.

– Мама, тебе хорошо так говорить, тебе с папой повезло, – устало возражала Алина. – Ты за ним всю жизнь живешь, как за каменной стеной, и горя не знаешь. Но сейчас-то мужчины совсем другие! И время не такое, как раньше. Вот ту же Киру послушать, что про первого ее мужа, что про второго... Не то что замуж, из дома выходить и видеть мужчин – и то не захочешь.

– Мало ли что рассказывает Кира! – парировала мать. Доев печенье, она взяла новое. – И потом, ей хотя бы есть о чем рассказать. А у тебя весь жизненный опыт этот... как его... слово еще такое ваше, современное... Вспомнила – виртуальный. Вот именно. Когда мне было двадцать восемь, я уже пять лет как была замужем за твоим отцом, три года как тебя воспитывала. А ты все работаешь и работаешь, то над книгами своими сидишь, то по всяким встречам с читателями, презентациям, интервью и съемкам мотаешься, света белого не видишь. А работать должен мужчина, в то время как женская обязанность – хранить тепло семейного очага, растить детей. А ты вот даже праздники со своей Кирой проводишь. Неужели ты решила оставить меня без внуков? Я так мечтаю помянуть малышей, пока еще не совсем старая, пока есть силы. А то ведь так, не дай бог, и помру, не дождавшись внучат.

В этом месте Софья Альфредовна театрально промокнула кружевным батистовым платочком уголки глаз – очень осторожно, чтобы не смазать косметику. Разговоры о смерти были, конечно, чистым шантажом, потому что даже стареть Софья Альфредовна не собиралась. Ее стремление быть моложе своих лет проявлялось во всем: в модной прическе с идеально уложенными золотистыми локонами, в губной помаде с перламутровым блеском, в стильной одежде, обтягивающей фигуру, сохранившую стройность, но, к сожалению, утратившую былую грацию.

– Ну, мама, хватит уже, – безнадежно отмахнулась Алина.

– Нет, не хватит! Я только начала! – недовольно проговорила Софья Альфредовна. Она решительно отодвинула от себя вазочку с печеньем (все-таки ужасный вред фигуре) и кивнула на стеллаж. – Эти твои книги – не что иное, как косметика для души! Только учти: пудрой можно скрыть недостатки кожи, но нельзя запудрить ею собственную жизнь! Это все твой отец виноват, прости господи! Баловал тебя, потакал тебе во всем: ах, Алиночка, ах, она у нас талант! Но ты помнишь, что даже он был против того, чтобы ты становилась писательницей. Но ты же у нас самая умная! Ты родителей не послушалась, сделала все по-своему. И что из этого вышло? Вот, послушай... – Мама сняла с полки книгу, открыла ее и зачитала первую попавшуюся страницу: – «Он был похож на летний день, который хочется испить до дна. С этим мужчиной я была готова отправиться на край света, растить и воспитывать наших детей, заботиться о нем, наполняя его существование своей заботой, как солнце наполняет жизнью редкий цветок...»

– Тебе не нравится, как это написано? – напряглась Алина. – Думаешь, слишком банальный образ?

– Да я не о том! – воскликнула мать. – Алиночка, солнышко мое, ну сколько можно переносить чувства на бумагу? Очнись, детка моя! Начни жить реальной жизнью! Люби и наполняй своей заботой настоящего, живого мужчину, а не выдуманных персонажей! Сейчас, в Новый год, как раз подходящее время все изменить!

– Я даю людям надежду, – возразила Алина и, подойдя к елке, дотронулась до вышитого сердечка.

– Да кому она нужна, эта надежда! Что она даст? Можно подумать, от этих твоих книг у кого-то что-то изменится. Все мужчины станут такими идеальными, как твои герои, а все одинокие женщины встретят долгожданную любовь... Смешно, честное слово. Ты просто сочиняешь добрые сказки... Для других и для самой себя, – мама горестно вздохнула.

– А что плохого в сказках? Между прочим, когда люди вырастают, они не перестают их любить, а просто начинают стесняться этого и тщательно скрывают.

Алину не обижало ироническое отношение матери к ее творчеству. Она привыкла, что далеко не всем людям дано наслаждаться красотой описаний и гаммой изысканных чувств, которые переживали ее персонажи. Разумеется, далеко не все читатели мира были в восторге от книг Алины Белкиной. Некоторым они оказались не по вкусу, и такие люди не стеснялись говорить и писать об этом. Особенно доставалось Алине и ее романам в Интернете. Кое-кто откровенно смеялся, и иногда очень зло, над стилем Белкиной, называл ее произведения «розовыми соплями», «книжонками для домохозяек», «чтивом для дурочек» или другими столь же неприятными словами. Алина научилась игнорировать такие отзывы, быть выше их, просто не замечать – ну чем она может помочь людям, напрочь лишенным чувства прекрасного? Да ничем.

Но вот подобные разговоры с мамой ее раздражали. И особенно потому, что Алина никак не могла взять в толк, зачем, собственно, маме внуки. Все равно та не будет сидеть дома и нянчиться с ними. У мамы и своих дел невпроворот – то портниха, то маникюрша, то массаж, то спа, то выставка на Крымском Валу, то премьера во МХАТе... Но главное заключалось даже не в этом.

Софья Альфредовна разговаривала с дочерью так, точно у дверей Алины дневала и ночевала длинная очередь поклонников, сплошь состоящая из звезд и олигархов. А капризная разборчивая невеста упорно не желала выбрать из этого блестящего ряда подходящую кандидатуру, и мама ее осуждала. Ну да, плохо, когда сама не знаешь, чего хочешь, но еще хуже, когда это за тебя знают другие. Однако тут совсем другой случай! Потому что Алина оказалась бы ничуть не против завести счастливый роман в жизни, а не только в воображении, – но что-то у нее никак не получалось...

Как-то так выходило, что Алина с поистине роковым постоянством выбирала не тех мужчин. Все объекты ее влюбленностей чем-то напоминали ту эстрадную

звезду, которой был посвящен розовый дневник двенадцатилетней девочки – все такие же потрясающие, недоступные, мало знакомые и потому минимум на две трети выдуманные. В подростковом возрасте Алине ничего не стоило влюбиться в персонажа фильма или книги, а то и вовсе в фотографию из журнала. Полгода она вздыхала по соседу из третьего подъезда, обладателю спортивной накачанной фигуры и спортивной же красной машины «Форд Мустанг», еще месяцев восемь – по старшему брату одноклассницы, студенту Художественной академии, которого Алина увидела только один раз – на дне рождения этой самой одноклассницы, и так далее. С каждым из них она переживала яркий роман – с красноречивыми взглядами, поэтическими признаниями, пылкими страстями, ревностью, бурными объяснениями и драматическими разрывами. Но, разумеется, все эти романы разворачивались только в ее воображении. В реальности ни один из объектов ее пылких страстей не догадывался о ее чувствах. А порой даже вообще не знал о ее существовании.

Первым осязаемым, из плоти и крови, возлюбленным стал известный телеведущий. Семнадцатилетняя первокурсница Алина уже давно восхищалась его творчеством и была потрясена, когда узнала, что очередной друг матери Киры, журналист, пишущий о кино и телевидении, будет на днях брать у него интервью. Девушка упросила, буквально умолила его взять ее с собой. И когда, робко следуя за журналистом, вошла в шикарный дом телевизионщика и увидела своего кумира «живьем», то от волнения забыла даже собственное имя. Видимо, все обуревающие ее чувства настолько ярко отразились на хорошеньком личике юной Алины, что ведущий не сумел (ну, или не захотел) остаться равнодушным. Правда, его интереса к ней хватило меньше чем на месяц – но это был чуть ли не самый яркий и насыщенный месяц в жизни (в реальной жизни, если говорить точнее) Алины Белкиной.

За это время она открыла для себя интимную сторону отношений мужчины и женщины, за это же время поняла, что роман с подобным человеком предоставляет ей небогатый выбор: или съездить на оптовый склад и закупить несколько ящиков бумажных носовых платков, или сжать свою душу в кулак и научиться спокойно жить от последнего секса до следующего телефонного звонка, ни о чем не думая, не тревожась и не переживая. Но так жить Алина совершенно не умела, и потому носовых платков, которыми она весь этот месяц вытирала слезы, было изведено немало. Наверно, их хватило бы, чтобы выложить поле как минимум двух, а то и трех крупных стадионов.

Особенно платки пошли в ход, когда звонки от знаменитости на ее мобильный телефон вдруг прекратились. Случиться с ним ничего не могло – о таких вещах сразу бы стало известно прессе. Значит, оставалось только признать очевидное и страшное – ее самым что ни на есть банальным образом бросили. Три дня Алина ревела белугой, а на четвертый села за компьютер и на одном дыхании написала один из лучших своих рассказов, тот самый, который так понравился потом редактору глянцевого журнала и с которого начались публикации Алины Белкиной.

Года через три она пережила новую love story, героем которой стал музыкальный продюсер (с ним она познакомилась на вечеринке в издательстве). Когда они вместе выходили в свет, Алина давала фору многим общепризнанным тусовочным красоткам. Еще бы – молодая без ботокса, стройная без швейцарской боди-подтяжки, улыбчивая без энергетических напитков. Мужчины провожали ее заинтересованными взглядами, а женщины шипели вслед: «Вот дура, на что она надеется? Он же женат, и развести его не удастся – денежки-то все не его, а женины... Если что – супружница оставит его ни с чем...».

Конечно, тусовочные завистницы оказались в чем-то правы: продюсер и не собирался расставаться со своим денежным мешком в образе жены. Да и Алину вскоре перестали устраивать подобные отношения. В результате разрыва с продюсером родился первый роман и три рассказа, один лучше другого.

Случилось в ее жизни и еще несколько любовных историй, но ни одна из них не дала ей настоящего счастья. Вот как последняя, с Вадимом. Каждый раз Алина влюблялась всей душой – и каждый раз потом горько разочаровывалась. И ни об одном из своих мужчин Алина не рассказывала маме, догадывалась, что Софья Альфредовна, узнав что-то подобное, не оставит ее в покое, а, по выражению подружки Киры, вынесет дочке весь мозг. Только иногда, чтобы родители не тревожились за дочь, которая совсем уж никому не нужна, Алина приводила к ним в гости своих друзей, просто хороших приятелей, без всяких любовных отношений, бывших одноклассников или кого-то в этом роде – тех самых Димку, Петьку и Андрея, которых так любила поминать ей мама.

Как человек и как автор Алина Белкина осуждала кратковременные отношения без взаимных обязательств. В ее книгах героини, которых устраивали подобные отношения, и те герои, для которых любовь не представлялась главной ценностью жизни, были если не отрицательными, то, по крайней мере, неудачливыми. Зато любимым персонажам она обязательно дарила счастье

взаимной любви – счастье, о котором мало что знала, но в существование которого хотела верить всей душой. И каждый раз после того, как Алина ставила точку в очередной рукописи, поженив главных героев, ей становилось грустно от того, что она не может написать сценарий своей собственной любви.

«Вот уже Новый год, – подумала Алина, когда за мамой, наконец, закрылась дверь, – а мне так и не встретился действительно свой человек. Может быть, я когда-то загадала неправильное желание?»

Глава вторая

Моя подруга задушевная

Теперь, пожалуй, настало время рассказать о другой героине этой истории, Кире Григорьевой, которая уже много раз встречалась на этих самых страницах с читателем, но все еще остается для него таинственной незнакомкой. Пока читателю известно о Кире только то, что она подруга Алины, – но такая девушка, как Кира, явно заслуживает большего. Ибо «подружка» – это, как известно, второстепенная, а то и третьестепенная роль в любой истории. Говорят, в голливудских киносценариях есть даже такое амплуа – подружка главной героини. Девушка, которая на протяжении всего фильма либо помогает центральному персонажу, либо завидует ему, а иногда даже и строит козни, но при этом всегда остается в его тени. К сожалению, на свете немало девушек, которые всю жизнь так и остаются в роли «подружки главной героини».

Однако ж Кира Григорьева была совсем не из тех личностей, которые согласны находиться в чьей-то тени. Пусть даже в тени такой талантливой, успешной и популярной писательницы, как Алина Белкина. Тем более что в жизни чаще бывало наоборот, по крайней мере, так выглядело со стороны при первом знакомстве с подругами. Яркая, подвижная, эмоциональная Кира всегда находилась в центре внимания, говорила много и обычно довольно громко, модно и броско одевалась и любила подчеркнуть достоинства своей внешности с помощью заметного макияжа и необычных аксессуаров. Русоволосая Алина, напротив, одеваться предпочитала скромно, косметикой не злоупотребляла, держалась спокойно и сдержанно, говорила мало и тихо. Тот же контраст ощущался и в характере подружек. Кира бурно переживала все происходящее

вокруг нее, часто была оживленной, постоянно чем-то страстно увлекалась, чтобы потом столь же быстро остыть к тому, что еще вчера занимало все ее мысли. Алина же являлась человеком скрытным, сдержанным, никогда не бросалась в омут с головой, старалась все тщательно взвесить и обдумать. Но в глубине души по-доброму завидовала Кириной смелости, независимости от чьих-либо оценок, авантюрному складу личности. Впрочем, клокочущей энергии Киры хватало на двоих. И Алина, обычно спокойная, погруженная в себя, рядом с подругой преображалась и становилась живой, веселой, уверенной в себе – такой же, как придуманные ею литературные героини.

И, если называть вещи своими именами, Кира с Алиной были не подружками, а друзьями. А это большая разница – для тех, кто что-то понимает. С подружкой можно обсудить парней, наряды и светские сплетни. А друг – это помощник во всех делах, исповедник, психотерапевт и ангел-хранитель в одном лице.

С Кирой Алина познакомилась и сразу подружилась в седьмом классе, когда та перевелась в их спецшколу из обычной. Такое случилось не часто: все-таки они уже с первого класса изучали два иностранных языка, и к средней школе уровень знания английского и французского у ребят был довольно высоким. Тому, кто учился в обычной школе, пришлось бы тяжело, нагнать остальных за короткий срок – задача не из легких. Однако ж вскоре выяснилось, что в знании языков Кира Григорьева не только не отстает от одноклассников, но даже опережает многих. Английским она уже давно занималась с преподавателем, могла легко говорить на любые темы и читала без словаря, французский и вовсе начала изучать еще с четырех лет и довела почти до совершенства во время многочисленных поездок в Париж. А когда Алина узнала, что Кира еще и может объясняться по-итальянски, то ее восхищению не было предела.

Алина прекрасно помнила тот момент, когда Кира в первый раз вошла в их класс. Стройная, длинноногая, с небрежно заколотой копной рыжевато-каштановых волос и уже вполне оформившейся фигуркой, державшаяся уверенно и даже как-то немного дерзко, Кира в двенадцать лет смотрелась почти взрослой девушкой на фоне сверстниц и особенно сверстников, выглядевших в те годы, как это обычно всегда и бывает, еще совсем детьми, мальчишками. Помнится, Алина сразу обратила внимание на то, как Кира одета. Школа их являлась элитной, учились там сплошь дети непростых родителей, и дорогими шмотками там никого не удивить. Но на Кире были не какие-нибудь джинсы или платье из новой коллекции молодежной моды, а строгий, но в то же время очень изящный деловой костюм, явно пошитый специально по ее фигуре

высокопрофессиональным портным.

Войдя, Кира сверкнула карими глазами, бегло оглядела класс и решительно подошла к пустому месту рядом с Алиной.

– Я сяду с тобой, не возражаешь?

Алина растерялась. Она сидела не одна, а с Сашкой Фирсовым – по старой советской традиции, учеников в средних классах рассаживали по принципу: «хороший ученик + плохой ученик», чтобы сильные помогали отстающим. Сашка был жуткая егоза, первый лентяй и раздолбай в классе, и отличница Алина не так уж радовалась подобному соседу, но как-то так резко «выселить» его показалось неудобным. А спросить его мнение не было возможности – в тот день Сашка не явился, может, заболел или прогуливал. Поэтому Алина не знала, что ответить новенькой. Однако все решилось само собой. Не дожидаясь ответа, Кира опустилась на стул, открыла свой портфель – у нее был именно портфель из хорошей кожи, как у бизнес-леди, а не рюкзак, как у всех в классе, – вынула из него тетрадь и ручку, приготовилась к уроку и потом снова повернулась к Алине.

– Ну, будем знакомы. Я Кира, а ты?

Улыбка ее выглядела такой приветливой и дружелюбной, что Алина сразу почувствовала симпатию к новенькой. Они разговорились и так быстро нашли общий язык, что когда Сашка, наконец, отболев или устав прогуливать, все же удостоил школу своим посещением, ему пришлось искать себе новое место.

Росла Кира в семье, которые принято называть «неполными», – только с матерью. Но вот ведь парадокс – именно в таких семьях дети чаще, чем в «нормальных», чувствуют себя любимыми и счастливыми, лучше находят общий язык с матерью, видят в ней прежде всего близкого человека и друга, а не воспитателя, наставницу или представителя другого поколения. Во всяком случае, у Григорьевых было именно так. Елена Игоревна, мама Киры, владела сетью бутиков, которые пользовались популярностью у состоятельных людей, имеющих способности и возможности по достоинству оценить новейшие веяния моды. Привлечь таких клиентов было непросто, они сами могли поехать куда угодно, в любой город мира, и купить себе все, что заблагорассудится, причем, как правило, значительно дешевле. Однако Елена Игоревна сделала ставку на

талантливых байеров и продвинутых консультантов и не прогадала: они не просто разбирались в тенденциях современной моды, а видели ее развитие на шаг вперед и при этом учитывали вкусы своих постоянных клиентов, пусть пока еще не столь многочисленных. Елена Игоревна и ее сотрудники относились к своему делу с душой, посвящали работе значительную часть времени и сил, но и получали за свои труды и таланты соответствующее вознаграждение.

Алина восхищалась матерью подруги, создавшей свой бизнес с нуля, а для самой Киры мама была непререкаемым авторитетом и постоянным поводом для гордости. Елена Игоревна относилась к той категории людей, которые, как выражаются американцы, сделали себя сами. Она начинала с самых азов, в первые же годы перестройки, едва появилась такая возможность, стала ездить за одеждой сначала в Восточную, а позже в Западную Европу. Опыта у нее не было никакого, закупки делала на свой страх и риск, полагаясь только на свой собственный вкус и интуицию. И ни то, ни другое не подвело. На первых порах Елена Игоревна все делала сама и по самой примитивной схеме: съездила, закупила, продала на рынке – и опять в путь. Однако же бизнес рос, сначала она смогла нанять продавцов на свои точки, потом открыла первый магазин, арендовав часть территории бывшего универмага, затем купила уже собственное помещение в куда более удобном и перспективном месте, потом еще одно, и еще...

В те, молодые, годы Елене Игоревне было не до создания семьи. Конечно, недостатка в ухажерах яркая и привлекательная Леночка не испытывала, но мало кто из них готов был жениться на девушке, которую практически никогда не застать дома. Елена не слишком из-за этого переживала – долгие годы ее занимал только бизнес. И лишь после тридцати лет, когда она уже встала на ноги, открыла свой первый бутик и дело пошло, она задумалась о будущем – о семье, о детях. Подходящей кандидатуры на роль супруга вокруг не наблюдалось, а ребенка хотелось, да и время уже поджимало. Так что в тридцать два года Елена Игоревна приняла осознанное решение стать матерью-одиночкой. Кира родилась после короткого, бурного и ни к чему не обязывающего курортного романа ее мамы с каким-то красавцем, полуитальянцем-полуфранцузом. Больше всего Алину удивляло то, что ее подруга узнала историю своего появления на свет довольно рано и воспринимала ее совершенно спокойно.

– А что такого? – пожимала плечами Кира. – На Западе все незамужние женщины, которые хотят иметь детей, давно пользуются банком спермы, это

обычное явление. Мама выбрала подходящего донора – и, согласись, не прогадала, я получилась очень даже ничего.

– Но неужели тебе не хотелось бы встретиться со своим отцом или хотя бы увидеть его? – спрашивала Алина.

– Вряд ли он этому обрадовался бы, – усмехалась Кира. – Он ведь понятия не имеет о моем существовании. Да и найти его все равно невозможно, мама даже фамилии его толком не помнит.

Грамотный психолог, как следует покопавшись в глубинах Кириной личности и подсознания, возможно, и обнаружил бы какие-то последствия того, что девочка выросла без отца. Вот только к психологам Кира никогда не обращалась, потому что не испытывала в этом нужды. Она считала, что у нее все нормально, и называла свое детство очень счастливым. Да, ее мама была очень занята своим бизнесом, но при этом проводила с дочерью немало времени, потому что брала ее с собой всюду, куда только возможно, – в магазин, во все зарубежные поездки и даже на деловые встречи. Кира очень быстро научилась сама себя занимать и не мешать взрослым. Тем более что в мире моды, где вращалась ее мама, девочке совсем не трудно это сделать – столько там всего интересного, красивого, яркого.

Кира с детских лет привыкла к очень бурной и насыщенной жизни, а потому не понимала людей, которые целыми днями сидят у телевизора, за книгой или компьютером и чуть ли не неделями не выходят из дома. Ведь это же так скучно! Сама она могла иногда посмотреть фильм или почитать книгу, но чаще всего на ходу, в самолете например. А Интернет и вовсе для нее был только средством общения и источником информации, Кира никогда не «зависала» в нем надолго, не играла в онлайн-игры и не тратила время на виртуальные беседы – ей вполне хватало общения в реале. Ее дни проходили в постоянных делах и разъездах. Из маминого магазина она спешила на урок французского, а из спортзала – на свидание, поскольку эту сторону жизни женщины Кира открыла для себя очень рано. Она всегда говорила, что впервые влюбилась, будучи шести лет от роду, и уверяла собеседников, что у нее уже было совершенно серьезное чувство.

Это случилось в Париже, в кафе при одном из известных универмагов. Кажется, «Галери Лафайет». Шестилетняя Кира дожидалась там маму, пила сок, болтала ногами, от нечего делать разглядывала посетителей и обратила внимание на

сидящего за соседним столом смуглого молодого человека. В отличие от нее, он был полностью погружен в себя, нервно барабанил тонкими длинными пальцами по столу и лишь изредка, словно вспоминая, зачем сюда пришел, поднимал взгляд и делал глоток из стоящей перед ним большой керамической чашки.

Его нельзя было назвать красивым, но гордая посадка головы, прямая спина и горящие черные глаза поневоле привлекали к себе внимание, и Кира, уже совершенно не скрываясь, с детским интересом рассматривала его. Сделав очередной глоток, он недовольно поморщился. Девочка сочла это подходящим поводом для начала разговора. Недолго думая, она вылезла из-за своего столика, подошла к незнакомцу и, старательно выговаривая недавно выученные французские слова, спросила:

- Твой чай остыл? Почему ты не закажешь другой?

Мужчина встрепенулся, вышел из оцепенения и с изумлением уставился на Киру, будучи не в состоянии понять, чего хочет от него незнакомая маленькая девочка. Та решила, что он не понял ее французского, и еще более старательно повторила свой вопрос. Тогда мужчина рассмеялся, подозвал официанта, заказал новый чай и спросил Киру, что заказать ей. Девочка от всего отказалась, ответив, что уже сыта, и в доказательство принесла со своего столика стакан с недопитым соком и тарелку с недоеденными пирожными. Мужчина еще больше развеселился и спросил, как зовут маленькую незнакомку. Она ответила, он, в свою очередь тоже представился:

- Антонио. Но друзья называют меня Тонито.

Кира тотчас же спросила, можно ли и ей так его называть, и, разумеется, получила согласие. Так что подошедшая через четверть часа Елена Игоревна застала их за приятной болтовней, причем существование языкового барьера ни одного из собеседников не смущало, а только забавляло. Переключив свое внимание на Елену Игоревну, незнакомец сказал что-то такое, что Кира не поняла, и маме пришлось переводить. Тонито, как выяснилось, оказался начинающим дизайнером из Испании. Он работал в Доме моды Живанши: сначала был ассистентом, а потом ему стали поручать разработку аксессуаров. В тот памятный день он как раз представлял в «Лафайет» свою первую коллекцию женских сумок и пригласил Киру с мамой на этот показ.

В огромном светлом зале вдоль стен было расставлено множество прозрачных пирамид, белых мраморных кубов и ступенчатых конусов. В них выставлялись на всеобщее обозрение сумки: коричневые, черные, белые, желтые, розовые, красные, голубые – всех цветов! Их формы были столь же разнообразны. На возвышениях стояли модели в строгих платьях пастельных оттенков и держали точно такие же сумки в руках или через плечо.

Кира тогда почувствовала себя сказочной героиней, попавшей в волшебную страну. Она медленно двигалась в потоке людей, замороженная чудесным зрелищем и нахлынувшими чувствами. Если бы не Антонио, который выхватил их с мамой из толпы, девочка так ходила бы, наверное, до вечера, а то и до утра. И все смотрела бы, смотрела, смотрела...

– Тебе здесь нравится? – Тонито спросил это именно у нее, а не у мамы. Кира только молча кивнула.

– Может, тебе что-то особенно приглянулось?

Этот вопрос она уже не поняла, и Елене Игоревне пришлось переводить. Вместо ответа Кира взяла его за руку и подвела к одной из моделей, у которой на плече висела маленькая золотистая сумочка. Молодой человек кивнул:

– Мне она тоже очень нравится.

Кира тянула его дальше, показывая все, что ей запомнилось и от чего захватило дух. Антонио сначала удивленно смотрел на нее, а потом довольно улыбнулся:

– У тебя прекрасный вкус, малышка. Не удивлюсь, если ты, когда вырастешь, станешь королевой в мире моды.

Его ждали другие гости, поэтому он простился с Кирой и ее мамой, но на прощание спросил, где они остановились и когда собираются обратно, а потом протянул девочке свою визитку:

– Будешь еще раз в Париже – позвони мне. Я покажу тебе свои новые работы.

С тех пор, приезжая с мамой в Париж, а это, как правило, случалось несколько раз в год, Кира обязательно настаивала на встрече с Тонито. Елену Игоревну сначала это забавляло, но позже, когда девочке уже было лет тринадцать, она заметила, что дочкин интерес к молодому дизайнеру не проходит, и поговорила об этом с Кирой.

– Тебе он нравится? – напрямую спросила она.

– А если нравится – так и что? – тут же по-подростковому оцетинилась девочка. – Я уже не маленькая! И не надо мне втирать, что Тонито намного старше меня, это...

– Дело не в том, что он старше, – покачала головой мама. – А в том, что женщины его не интересуют. Не конкретно ты, а вообще, понимаешь?

Кира понимала. На тот момент она уже разбиралась, что к чему, и немного погоревала, но быстро утешилась. Скоро в ее жизни появились новые кавалеры. Как правило, все они были старше ее, кто на несколько лет, кто намного больше, но, несмотря на это, лидером в отношениях всегда оставалась Кира. Не ее выбирали – выбирала она. И всегда добивалась своего.

Впрочем, это касалось не только личной жизни. Когда Кира сообщила маме, что будет поступать в Университет печати на вечернее отделение и одновременно работать в журнале, Елена Игоревна слегка огорчилась.

– Я-то думала, что ты получишь другое образование, – посетовала она. – Дизайнерское или экономическое. Чтобы продолжать семейный бизнес.

Но Кира была неумолима: в семейном бизнесе она и так неплохо разбирается, но ей хочется начать и собственный бизнес – свой гляцевый журнал. А дизайнер, надо быть честной перед самой собой, из нее не получится. В наше время, чтобы выделиться на подобном поприще, надо быть гением, которым Кира, увы, не является. А посредственностей... Ну, хорошо, пусть не посредственностей, но просто заурядных дизайнеров, которые не в состоянии сами создать ничего оригинального и просто подражают, явно или скрыто, другим, более талантливым коллегам – таких достаточно и без нее.

К тому моменту, когда Алина – благодаря помощи верной подруги, между прочим! – стала востребованной писательницей, Кира уже успела дважды, по ее собственному выражению, сбегать замуж. Первый раз она слушала марш Мендельсона в восемнадцать лет, стоя рядом с молодым, но уже ставшим популярным актером, которому повезло попасть в так называемую сериальную обойму. Замужество оказалось неудачным, но зато коротким и неустойчивым. Оба супруга уверяли, что в избраннике их привлекло в первую очередь чувство юмора. Им и правда было очень весело вдвоем, они постоянно шутили и хохотали и видели в своем союзе только забавную игру, не более того. Свадьба для них тоже стала игрой, новым развлечением. Первые месяцы супружеской жизни, казалось, не изменили для них ничего: он, как и до женитьбы, пропадал на съемках, она, как и прежде, успевала и учиться, и работать, и развлекаться. В краткие моменты совместного времяпровождения они посещали светские тусовки или отрывались на вечеринках у друзей и в ночных клубах. Дома, тем более вдвоем, практически не бывали, а если такое и случалось, то почти все время посвящали сексу. Им было хорошо друг с другом в постели – обстоятельство, ставшее, как подозревала Кира, определяющим в решении Артема жениться на ней. Они вообще были очень похожи, и в конечном счете это сыграло свою роковую роль в их разрыве.

Так же как и она, муж не хотел превращать их брак в исповедальню и повинность: разговоры о неприятностях были под негласным, но строгим запретом. Оба они, при всей своей внешней открытости, не любили «грузить» людей – жизнь должна быть праздником. Или, по крайней мере, казаться таковым. Но, как и будни без праздников, так и праздники без будней быстро надоедают. Если бы это еще был «гостевой» брак, они бы как-то с ним справились. Но Кира еще до подачи заявления в ЗАГС переехала жить к Артему, и вот так, лицом к лицу, они быстро устали и друг от друга, и от совместной жизни, какая бы условная она ни была. И развелись, прожив в браке всего пять месяцев, но ухитрились остаться хорошими друзьями.

Со вторым мужем Кира познакомилась на престижной новогодней вечеринке. Ей было тогда двадцать четыре, ему – тридцать девять. Состоявшийся человек, успешный бизнесмен, владелец фирмы, занимающейся продажей и ремонтом уборочной техники, к тому же стильно одетый, спортивный и привлекательный внешне, Валерий считался завидным женихом. На него обращали внимание многие, даже слишком многие, и Кира решила, что станет лучшей среди всех этих девушек и молодых женщин. Ей казалось, что с Валерием она будет как за каменной стеной. И когда она поняла, что и он всерьез ею заинтересовался, то уже больше не отпустила его от себя.

Около года они были счастливы. Потом начались осложнения, и причиной стал не быт, как часто случается, а работа Киры. С бытом у них как раз все было нормально – огромная двухуровневая квартира в элитном доме с охраной и целых две помощницы по хозяйству, одна из которых покупала продукты и готовила, а другая занималась уборкой. Но вот с Кириной работой...

К тому времени она уже три года как окончила Университет печати, покинула свой первый журнал, где выросла от секретаря до редактора и ведущего колонки, и перешла в другое издательство, где ей предложили должность обозревателя отдела светской хроники. А это не профессия, а самый настоящий образ жизни, причем, как правило, вечерний и даже ночной. Интервью со знаменитостями, спектакли, концерты, поздние вечеринки, ночные посиделки... Словом, Кира почти не бывала дома. Не всякий муж такое выдержит. А если и выдержит, то это повод для нешуточных подозрений по его адресу. Валерий оказался вне подозрений. Он начал с банальных сцен ревности, а закончил ультиматумом: или увольнение, или развод. Но Кира тогда как раз только вошла во вкус репортерской работы, ей все нравилось, все удавалось. Она уже четко представляла себе, каким хочет видеть будущий собственный журнал, и уверенно двигалась к цели, обзаводилась связями и полезными знакомствами. И что же – бросить все это, отказаться от интереснейшего занятия и засесть дома? Ради чего? Ради мужчины, которого, как к тому времени поняла Кира, она уже и не любит? А может, никогда и не любила, просто ей так казалось, разыграл дух соперничества?

В итоге они развелись, полгода старательно избегали общения, потом случайно встретились, посидели в кафе, поговорили – и стали поддерживать дружеские отношения, настолько близкие, что у Киры даже хранились ключи от загородного дома Валерия. «Не плюй в колодец, пригодится воды напиться» – эта поговорка и в работе Киры, и вне ее была определяющей. Ведь, несмотря на внешнюю «безбашенность», людей она ценила и понимала. И строила свою жизнь, опираясь на них, как когда-то это делала ее мама. Елена Игоревна, узнав о том, что Кира с Валерием подали документы на развод, только вздохнула. Видимо, женщинам в их семье на роду написано быть бизнес-леди, а не хранительницами домашнего очага.

В первое время после развода с Валерием Кира позволила себе насладиться свободой и загуляла на всю катушку. Но потом вдруг почувствовала, что к ней неумолимо подкрадывается депрессия. Светские тусовки надоели и стали раздражать, внезапно захотелось тишины, покоя, уединения. Вечерами тянуло

не в клуб или какое-то другое крутое место, а домой, в удобное кресло или на диван. Кира перечитала все книги Алины Белкиной и попыталась было взяться за другие женские романы, но быстро соскучилась. Тогда она сменила жанр и вид искусства – стала смотреть боевики, и зарубежные, и отечественные (последние в основном потому, что во многих из них снимался другой ее бывший муж – первый, Артем).

Такое времяпровождение увлекало и отвлекало от проблем, но сами проблемы никуда не девались. Кире вдруг стало казаться, что она не сможет больше жить ни с одним мужчиной. Наверное, такого, о котором она мечтала, просто нет в природе, а другие ей не нужны. Эта не очень приятная мысль не отпускала ее ни на секунду: и днем, когда она интервьюировала известных персон, и вечером, когда садилась на диван перед экраном и смотрела очередной боевик. Еще немного – и ей бы потребовалась помощь тех самых психотерапевтов, к которым она раньше относилась с некоторым пренебрежением, а над теми, кто обратился к ним, открыто посмеивалась.

Выйти из этого состояния ей помогло новое назначение. Оно еще на один шаг приблизило к заветной мечте и заставило забыть о личных переживаниях. В один поистине прекрасный для Киры день ее вызвал к себе главный редактор их журнала и предложил возглавить отдел, но уже не светской хроники, а моды. Опытный руководитель, он был доволен работой Киры Григорьевой, поскольку ее статьи вызывали неизменный интерес у читателей журнала, и выразил надежду, что и на новом месте успехи ее будут не менее значительными. Так и случилось.

Кира приняла предложение, практически не задумываясь. Она с детства интересовалась модой, благодаря маминому бизнесу отлично разбиралась в ней и чувствовала себя в этой сфере как рыба в воде. Журналистский стаж прибавил ей опыта, а уж общаться с людьми и завязывать полезные знакомства она всегда умела, да и прежняя работа только укрепила и отшлифовала это умение. Ее обзоры были по-деловому конкретны, и в то же время остроумны, порой и саркастичны, а фотографии к ним всегда отличались свежим взглядом и оригинальностью, добиться чего было совсем не просто. Показ мод – он и есть показ мод, это не спектакль и не пейзаж, тут нелегко найти какой-то новый ракурс или как-то по-новому взглянуть на происходящее. Однако Кира ухитрялась выбирать из фото штатных и нештатных фотографов, работающих под ее началом, именно такие снимки, которые выделялись бы из общей массы. А при необходимости могла заняться съемкой сама – фотография была одним из

ее хобби.

Ей легко удавалось находить общий язык даже с самыми избалованными публичным вниманием персонами в мире моды, а ее профессиональное чутье помогло распознать нескольких многообещающих дизайнеров, о которых Кира рассказывала в цикле статей «Модные открытия». И она действительно угадала их талант и успех. Кира была знакома с множеством моделей и дизайнеров, как женщин, так и мужчин, и ей нравилось знакомить с ними своих читателей. В общем, ее бурная деятельность не осталась незамеченной, и, когда через год освободилось кресло заместителя главного редактора, ни у кого в издательстве даже не возникло сомнений, кто его займет. Так была преодолена еще одна ступенька лестницы, ведущей к заветной мечте, но Кира понимала, что до открытия собственного бизнеса ей еще далеко. Сначала нужно было освоиться на новой должности, попробовать себя в роли руководителя.

Так что к двадцати восьми годам Кира Григорьева тоже стала вполне успешной состоявшейся фигурой, как и ее лучшая подруга Алина Белкина. И тоже чувствовала себя почти счастливой, во всяком случае, считала, что до сей поры ее жизнь складывается вполне удачно. Если не считать разводов, которые Кира не воспринимала как трагедии, в ее судьбе произошло лишь одно неприятное событие – случившаяся по ее вине авария. Будучи еще совсем неопытным водителем, она допустила ошибку и на немалой скорости столкнулась с автомобилем, в котором был ребенок. К счастью, в ДТП пострадали только машины, люди, включая малыша и саму Киру, отделались легкими травмами, но девушка сочла эту аварию знаком свыше и с тех пор старалась без особой необходимости не садиться за руль. В конце концов, не так уж это сложно, к твоим услугам всегда есть и такси, и частники, а если куда-то очень торопишься, то можно и на метро подскочить – получится намного быстрее.

Глава третья

Новый год на двоих, и все, что за этим последовало

– Ну встречай! – Кира вломилась в квартиру, раздурманенная от мороза, с целой горой всевозможных пакетов. – Спорим, у тебя еще ничего не готово!

– И тебе здравствуй! – отозвалась Алина, помогая подруге избавиться от тяжелой ноши.

Девушки обнялись.

Сбросив шубку и оставшись в красном платье с глубоким декольте, Кира потянулась, словно довольная кошка.

– Ну вот, встретим праздник в самой лучшей компании! – сообщила она. – Слава богу, без всяких Вадимов... Или ты о нем еще вздыхаешь?

– И думать забыла! – Алина хмыкнула. Это была почти чистая правда, потому что о Вадиме девушка, конечно, еще думала – слишком недавно и внезапно случился разрыв, – но уже совсем не сожалела, успешно убеждая себя, что все к лучшему.

– Отлично! – обрадовалась Кира, оглядывая подругу. – Да ты похудела! Тебе очень идет!

Алина улыбнулась и довольно покосилась в зеркало. Неприятности и вправду пошли ей на пользу, а новое серебристое платье, гораздо более скромное, чем у подруги, удачно подчеркивало фигуру.

– Мы с тобой красотки, и никто нам не нужен! – Кира встала рядом с подругой и тоже оглядела себя. – Знаешь, Новый год – один из моих самых любимых праздников.

– У меня тоже. Я бы хотела выйти замуж в Новый год, – Алина вздохнула и посмотрела в окно, где, словно по заказу, шел снег. – Это так романтично!

– Хочешь – значит, выйдешь. Все в твоих руках, – заверила Кира, взясь с упаковками. – Ну а пока пора приступать! Салаты не ждут.

В четыре руки они сделали несколько салатов, поставили в духовку мясо и открыли бесчисленные нарезки и баночки с деликатесами. Ради Нового года можно позабыть обо всех диетах, тем более что насущной необходимости в них вовсе не было.

Наконец, все было готово, и подружки сели за стол. На елке красиво переливалась разноцветными огоньками гирлянда, за окном празднично светились окна соседних домов.

– За нас – красивых, умных, талантливых! – провозгласила Кира, плеснув в бокалы немного сухого французского вина.

Подружки выпили и с удовольствием приступили к закускам.

– Давно хотела тебя спросить... – произнесла Алина, отщипнув от грозди винограда янтарную ягоду, – а что ты загадала в ту ночь, когда мы отмечали Новый год у тебя, в одиннадцатом классе? Твое желание исполнилось?

Кира вздохнула и тряхнула рыжей гривой волос.

– В то время я была очень глупой, – неохотно призналась она. – Конечно, я мечтала о карьере, но у меня ведь не было отца, и я загадала то, чтобы поскорее выйти замуж. Наверное, в качестве компенсации. Ну, вышла. Даже два раза. И что?

– Бойтесь своих желаний, – задумчиво заявила Алина, гоня по тарелке горошину из традиционного оливье. – А сейчас бы ты загадала что-нибудь другое?

– Ну... – Кира подняла глаза к потолку. – Загадывать успехи в карьере глупо, справлюсь с этим как-нибудь сама, без всяких чудес. Деньги... Зачем они нужны? На мелкие капризы мне хватает. Иногда даже на крупные, если честно. Ну и достаточно. К тому же и деньги можно заработать, приложив собственные усилия. По-моему, если желать чего-то, то только то, что не можешь сделать сам. Знаешь, – она заодно посмотрела на подружку. – Я хочу, чтобы у меня в жизни случилось что-то очень неожиданное, но, конечно, приятное. Какой-нибудь сюрприз! Это как с подарками – терпеть не могу выбирать себе подарок сама, гораздо приятнее сюрприз.

– Ты права, – Алина вздохнула. – А я бы загадала все-таки встретить своего человека. Карьера, книги, – она кивнула на свою знаменитую полку, – конечно, важно, но мне так недостает простого счастья! Сколько судеб я устроила в своих книгах, а сама до сих пор на бобах. Вот бы однажды выйти из дома – и вот он,

герой моего романа!

– У тебя все литературное! – засмеялась Кира. – Ну что, подруга, выпьем за исполнение наших желаний? Пусть все так и будет!

В тот миг, когда стали бить куранты, за окном захлопали петарды и небо озарилось разноцветными вспышками, Алина, зажмурившись, чтобы как можно лучше сосредоточиться, пожелала: «Пусть все так и будет!»

Кира права – и успеха, и денег можно достичь самой. Если и просить что-то в эту необыкновенную волшебную ночь – это любви, здоровья, счастья – то, чего не купишь ни за какие деньги, то, что бывает неподвластно твоей собственной воле.

* * *

Ночью надо спать. Это азбучная истина, и спорить с ее скучноватой разумностью трудно. Но далеко не все благополучно спят по ночам. К немалому числу подобных полуночников принадлежала и Алина Белкина. Работать над своими книгами она предпочитала именно в ночные часы. Понимала, что это не дело, сокрушенно вздыхала, искренне каялась, но... днем было совершенно некогда, постоянно находились какие-то важные дела: то поездки в издательство, то встречи с читателями, которые, к слову сказать, часто проходили не только в Москве, но и в других городах, то интервью, то участие в теле- и радиопередачах, то какие-то светские мероприятия. А постоянное присутствие на публике, разумеется, обязывает быть в хорошей форме. Алина старалась не менее двух раз в неделю посещать бассейн, регулярно встречалась с персональными массажистом и тренером по фитнесу. Ну, и, конечно, салон красоты – стилист, косметолог, солярий... А еще и к родителям надо съездить, потому что давно не была, и туфли к новому платью подобрать, и с Кирой хочется встретиться, и выставка интересная в «Винзаводе» открылась... Словом, днем всегда дел было невпроворот. Да и не получалось как-то днем писать, не только из-за занятости: от рассвета и до заката к Алине отчего-то почти никогда не приходило пугливое вдохновение. Если писательница и оказывалась свободна днем, то предпочитала просто отдохнуть, поваляться с книгой, посмотреть сериал или заняться домашними делами. Работать в это время как-то не получалось. «Наверное, моя муза не любит солнечного света, – смеялась Алина. – Она прилетает ко мне только в ночной темноте. Может быть, она немного

вампир? Во всяком случае, сил она у меня отбирает немало...»

Сейчас, когда праздник оказался позади, начались будни, Алина поняла, что пора вплотную заниматься новой книгой – сроки сдачи в издательстве, в конце концов, никто не отменял, а читатели ждут от Алины Белкиной не менее трех романов в год.

Вот и в ту ночь, накануне съемок очередного телевизионного ток-шоу, она засиделась допоздна. Приходилось наверстывать за новогодние каникулы, так что ровно в половине девятого вечера как раз накануне старого Нового года Алина Белкина начала работу над новым романом.

Сказать, что она начала ее с нуля, конечно, неверно. Какие-то задумки уже давно бродили в голове, в частности, Алина уже придумала название новой книги – «Белый танец». А еще она решила на этот раз немного выйти за привычные рамки и сделать главной героиней не сильную, уверенную в себе и привыкшую побеждать современную женщину, как бывало в ее романах, а скромную незаметную мечтательницу с неброской внешностью, этакую «тургеневскую девушку». Среди поклонниц творчества Белкиной таких читательниц было очень много, и Алина решила преподнести им своеобразный подарок. Пусть прочтут ее книгу и поверят в то, что и они имеют шанс найти свое счастье.

Словом, с героиней Алина уже определилась, придумала ей имя, облик, профессию и увлечение. А вот с героем вышел затык. Сколько писательница ни ломала голову, она никак не могла его себе представить. Кто он, этот человек, которого полюбит героиня «Белого танца»? Сколько ему лет, как его зовут, чем он занимается, как выглядит? Наверняка он должен быть красив, но одного этого эпитета мало... Алина набрала в поисковике слова «красивый мужчина» и долго листала фото современных секс-символов – актеров, певцов, спортсменов, моделей. Нет, ни один из этих изящных изнеженных эльфов или brutальных мачо не годился на роль героя ее романа. Вздохнув, Алина вышла из Интернета. Начала было набрасывать черновики отдельных эпизодов, но без образа героя это получалось неважно. Так она промучилась где-то до половины третьего. Потом, признавшись себе, что сегодня она, как ни крути, пороку не выдумает, все-таки выключила компьютер, умылась и легла в постель. Алина уже засыпала, когда перед ее глазами вдруг возник образ мужчины – именно тот типаж, который она все это время так мучительно и безрезультатно искала! Около сорока лет – самый идеальный возраст для мужчины, когда он еще здоров

и привлекателен, но уже оставил позади все заблуждения молодости. Брюнет, классические черты лица, крупный нос, обязательно с горбинкой, смуглая кожа. В нем явно чувствовалось что-то восточное или, возможно, греческое. Но глаза не жгуче-черные, а светлые, голубые или даже зеленые. Не слишком высок, среднего роста, но строен, подтянут. И во всем облике, в движениях чувствуется благородство, как у потомков аристократических фамилий...

Тотчас забыв о сне, Алина слетела с кровати и, как была в ночной рубашке, кинулась к ноутбуку, присела в первое попавшееся кресло и принялась торопливо стучать по клавишам, опасаясь, что видение исчезнет прежде, чем она сумеет описать своего героя. Но муза в эту ночь была к ней благосклонна. Видение не исчезло, более того, герой очень хорошо вписался в начавший выстраиваться сюжет, так что Алина сумела не только сделать портрет своего персонажа, но и сочинить несколько замечательных сцен с его участием. Она работала с увлечением, не замечая ничего вокруг, и опомнилась только от звонка будильника. Пора было собираться на съемки ток-шоу – и это после бессонной-то ночи!

К счастью, не высыпаться Алина Белкина привыкла. И, к еще большему счастью, возможности грима безграничны – тем более на телевидении. Благодаря усилиям гримера, к моменту съемок Алина выглядела уже замечательно: круги под глазами, небрежность в прическе (она просто не успела уложить волосы) и прочие следы бессонной ночи оказались надежно спрятаны от зрителя. Популярная писательница Алина Белкина предстала перед камерой во всеоружии.

Ток-шоу было ориентировано на женскую аудиторию и строилось по типичному для таких передач сценарию: сначала рассказ приглашенной гостьи о ее проблемах в личной или семейной жизни, затем мнения экспертов, одним из которых и была Алина. Тема передачи тоже не отличалась новизной и оригинальностью – неразделенная любовь и одинокие праздники. Весьма милостивая, несмотря на некоторую полноту, девушка рассказала, что уже восемь лет любит человека, который не отвечает ей взаимностью. После чего все эксперты в один голос стали советовать ей, как избавиться от чувства. Известный психолог назвал ситуацию «разрушительной для личности», стареющая популярная актриса заявила, что девушка напрасно тратит лучшие годы своей жизни, спортсменка посоветовала заняться собой, привести себя в форму и начать вести активный образ жизни, чтобы побыстрее переключиться и забыть. И только Алина, когда ей дали слово, поддержала героиню передачи.

Она заявила, что любовь, да еще такая долгая и красивая, как та, рассказ о которой они только что услышали, – это настоящий дар свыше. Который дается далеко не всем. Сколько людей так и проживают свою жизнь без любви, вступают в браки, растят детей, изменяют или сохраняют верность супругам, но так и не встречают своего избранника, так и умирают, не узнав, какое это великое счастье – любить. Да, конечно, грустно, что твой единственный не отвечает тебе взаимностью. Но даже неразделенная любовь – это все равно прекраснейшее, что только может быть на свете. А праздники в одиночестве – это еще не самая высокая цена за счастье познать любовь. В конце концов, есть подруги, которые всегда поддержат.

Закончив этот монолог, который, неожиданно для нее самой получился пылким и взволнованным, Алина посмотрела на героиню шоу и встретила ее благодарный взгляд.

– Спасибо вам! – искренне воскликнула девушка. – Вы здесь единственная, кто меня понял.

От ее слов Алина немного смутилась, случайно перевела взгляд на зрителей, которых до этого как-то не удосужилась рассмотреть, и вдруг увидела в зале глаза, глядящие на нее с такой магнетической силой, что сердце ее тут же забилося, и гораздо быстрее, чем того требовала ситуация. Владелец столь притягательного взгляда был смугл и темноволос, но его глаза оказались светлыми, а нос с выраженной горбинкой придавал его лицу какое-то особое своеобразие и мужественность. Перед ней был он, герой ее нового романа!

«Дежавю... – подумала Алина и машинально поправила волосы. – Такого просто не может быть...» Но привидевшийся ей ночью в фантазиях мужчина существовал, он сидел здесь, в первом ряду! И явно являлся не простым зрителем «с улицы», поскольку после записи передачи его, как и всех участников ток-шоу, пригласили на праздничный фуршет – как-никак старый Новый год, еще один не лишний повод попраздновать.

В другое время Алина наверняка нашла бы предлог, чтобы ускользнуть с тусовки, сбежать подальше от фальшивых комплиментов и таких же фальшивых поцелуев при встрече. Все эти «Здравствуй, дорогая, как хорошо ты выглядишь, надо познакомиться друг с другом наших косметологов...», все эти обсуждения разгрузочных дней, суперакций в ЦУМе и «горячих» сплетен ей уже порядком надоели. Но владелец жгучего взгляда был тут – и Алина осталась.

Однако он больше даже не смотрел в ее сторону, и Алину это задело. Она щебетала и смеялась со знакомыми, старалась выглядеть веселой и беззаботной, но внутри уже потихонечку начала закипать. Как это так?! Она, можно сказать, и на банкет-то пришла только из-за него, а он не обращает на нее никакого внимания! Ну и ладно, ну и пусть. Раз так, то она сейчас уедет. Вот только допьет этот бокал сока (к спиртному Алина не прикасалась, так как сама была за рулем) – и уедет.

Она как раз ставила пустой бокал на поднос официанта, когда незнакомец наконец все же соизволил приблизиться.

– С самого начала этой вечеринки хотел подойти к вам, но все не решался, – произнес он красивым низким голосом. В его произношении чувствовался легкий, еле уловимый акцент. – Вы так же прекрасно говорите о любви, как и пишете.

Наверное, даже под слоем тонального крема стало заметно, как сильно она покраснела:

– Неужели вы читали мои книги? Обычно их предпочитают женщины...

– Значит, я исключение, – любезно отвечал собеседник. – Разрешите представиться – Георг Чхеидзе, – он протянул ей руку, и Алина невольно стиснула клатч, чтобы не выдать свое волнение, когда пожимала ее. Неужели это он! Неужели загаданное желание сработало так быстро!

– Алина... – теперь, вблизи, она смогла разглядеть, какого цвета его глаза – они были зелеными. Именно так, как ей и привиделось.

– Я знаю, – улыбнулся Георг, и Алина смущенно рассмеялась, только сейчас поняв, что ее представление в данной ситуации совершенно излишне и потому выглядит довольно нелепо.

Впрочем, возникшая было между ними неловкость тут же исчезла. Держась легко и непринужденно, новый знакомый рассказал о себе, сообщил, что родом из Грузии, но занимается бизнесом в России и много времени проводит в Москве, намного больше, чем дома. Он говорил, а Алина украдкой рассматривала его, и

все, что она замечала, только прибавляло ему плюсов. Георг держался очень уверенно, был стильно одет – сразу становилось понятно, что человек он весьма состоятельный и со вкусом, а ко всему прочему еще и галантен, хорошо воспитан и весьма и весьма недурен собой. Роста он был, правда, не очень высокого, примерно с нее, но Алине это не показалось серьезным недостатком, тем более что на ней были туфли на десятисантиметровой шпильке.

– Вам здесь нравится? – спросил он, обведя выразительным взглядом фуршетный зал.

– Честно говоря, не очень, – призналась Алина. – Я не большая любительница светской жизни.

– Почему-то я так сразу и понял, – улыбка Георга показалась ей просто очаровательной. – Тогда, может быть, сбежим отсюда? Здесь неподалеку есть неплохой ресторанчик, где тихо и отличный шеф-повар.

Ресторан и впрямь оказался симпатичным, и, что особенно понравилось Алине, не любившей шумной толпы, там было немногочленно. Они с Георгом заняли удобное местечко в глубине зала, в котором царил уютный полумрак, разбавленный лишь светом настольных ламп с ярко-желтыми абажурами и крохотных светильников по периметру помещения.

– По вечерам здесь бывает живая музыка, – пояснил Георг, кивая на небольшую эстраду. – Обычно исполняют старый джаз, что-нибудь в духе Глена Миллера... Моя мама любит сюда приходить, говорит, что ей нравится, как тут воссоздана атмосфера сороковых и пятидесятых.

– Ваша мама живет здесь, в Москве? – вежливо поинтересовалась Алина.

– Нет, она живет в Грузии, в своем доме, в небольшом городке неподалеку от Тбилиси. Но она часто приезжает ко мне сюда. Вместе с братьями или сестрой.

– У вас дружная семья, – с одобрением заметила Алина.

– По-другому у нас и не бывает, – Георг сказал об этом, как о чем-то само собой разумеющемся. – Семья – это все. И еще любимая женщина.

Он посмотрел ей прямо в глаза, и она смутилась, как девчонка. Георг улыбнулся:

- Он очарователен.

- Кто? - растерялась Алина.

- Румянец на ваших щеках.

Георг накрыл ладонью ее руку, лежащую на столе, и ласково погладил. Алина замерла в смятении. Оставить как есть? Но ведь этим она невольно дает ему понять, что вот так, с первой встречи, он может прикасаться к ней... Что он тогда о ней подумает? Не дай бог, сочтет ее легкодоступной женщиной... Тогда отдернуть руку? Но не будет ли это слишком невежливо? И потом, ей совершенно не хотелось этого делать. Будь ее воля, она вот так и просидела бы, держась с ним за руки, долго, очень долго... Может быть, даже всю жизнь.

Алина бы еще не одну минуту раздумывала, решая эту трудную задачу, но, на ее счастье, к их столику подошел официант. Георг сделал заказ, вежливо спрашивая ее о чем-то, она отвечала, рассеянно кивала, а сама витала где-то далеко. И только когда принесли напитки, она посмотрела на молча улыбавшегося ей мужчину и подумала: неужели все-таки дождалась, и вот он - ее принц на белом коне? Герой ее романа?

Позднее, пересказывая события того вечера подруге, Алина никак не могла вспомнить, что же за блюда они тогда заказали и действительно ли это было вкусно. Кира все удивлялась: ну как же можно забыть, что ты только что ел?! А вот, оказывается, можно. Нет, она, конечно, что-то помнила: осетрину, например, черную икру. И еще, пожалуй, грибы... Да, это был жульен, точно! Но остальное... нет, не помнила.

- Даже десерт не помнишь? - недоверчиво спросила Кира. - Ты, такая сладкоежка?

- И даже его, - пожала плечами Алина.

Кира вздохнула и картинно закатила глаза. Алина, рассеянно улыбаясь, вспоминала то, что осталось в ее памяти и было гораздо, гораздо важнее какой-

то там еды: нежные прикосновения мужских рук, изысканные комплименты, его рассказы о родине и устремленный на нее изучающий взгляд зеленых глаз, который невероятно ее смущал: ей почему-то хотелось спрятаться от него, а еще лучше попросту раствориться в воздухе.

Проводить ее после ужина домой у Георга не получилось – Алина была на своей машине, но поздно вечером он позвонил и поинтересовался, как она добралась. Что скрывать, Алина очень ждала, что он назначит ей новую встречу (и лучше бы поскорее!), но этого, увы, не произошло. Георг пожелал ей спокойной ночи и распрощался, а слегка разочарованная Алина прилегла на диван и утонула в мечтах, точно в мягкой перине. Это была первая за долгое время ночь в «неотпускное» время, когда она даже не включила ноутбук. Работать не хотелось совершенно. Какие могут быть воображаемые романы на бумаге, когда жизнь так прекрасна в реальности?

Так прошла одна ночь, а затем и вторая, и третья. Но когда к вечеру и четвертого дня Георг не позвонил, Алина уже забеспокоилась. Тем более что была пятница, и девушка надеялась, что новый знакомый обязательно предложит ей встретиться в выходные. Однако же этого не случилось. С горя Алина, когда стемнело, вновь села за работу и к утру написала три душещипательных эпизода для будущего романа «Белый танец» – один чувствительнее другого. Впервые за долгое время ей не нужно было ничего выдумывать, вживаться в образ своей героини и все такое прочее. Она просто описывала собственные переживания, те чувства, которые сама испытывала в данный момент. И получилось, как показалось не только самой писательнице, но и редактору, которому Алина отправила готовые главы, вполне достойно.

Родителям о новом знакомстве Алина, конечно же, рассказывать не стала. Зато Кира была в курсе всех ее переживаний. Теперь подруги созванивались еще чаще, чем раньше, раза по три, а то и четыре в день, и бесконечно обсуждали непонятную ситуацию.

– Знаешь, что я думаю... – делилась Алина. – Наверное, напрасно я так сразу повелась и вообразила себе невесть что. Наверняка все эти красивые слова, на которые я купилась, Георг говорит каждой встреченной им симпатичной девушке... Но все равно, знаешь, будь моя воля, я бы слушала их и слушала... Как запись – перемотала назад и опять нажала на кнопку «пуск»...

– Может, конечно, он и впрямь всем говорит, – задумчиво отвечала Кира. – Он же грузин, а кавказцы – мужчины темпераментные, это всем известно.

– Он не просто грузин, а тавади, потомок древнего княжеского рода, – с некоторой даже гордостью уточняла Алина. – Их семья ведет свое происхождение от самих Багратионов.

– И что? Думаешь, он счел, что ты для него недостаточно аристократична? – хихикала Кира.

– Тебе смешно! А я уже вся извелась! Ну почему он не звонит?

– Так позвони ему сама. У тебя же должен был остаться в памяти мобильника его номер, – Кира, как всегда, подходила к любой проблеме трезво и рационально.

– Что ты! – ахала Алина. – Да никогда в жизни! Номер, конечно, сохранился, я проверяла... Но я ни за что не буду ему звонить сама. Вдруг он подумает, что я ему навязываюсь?

– Ну, так переключись, займись чем-нибудь, – советовала рассудительная Кира. – Если все время сидеть на попе, ждать принца и больше ничего не делать, то принц не появится, зато попа точно вырастет до невероятных размеров.

– Ты права, – вздохнула Алина. – Мне есть чем заняться, и чем скорее я забуду об этом Георге – тем лучше. Тоже мне, герой моего романа. Может быть, на Новый год я загадывала совсем не его.

В начале февраля Алине предстояла командировка в Японию. Один из ее ранних рассказов неожиданно заинтересовал издательство из Страны восходящего солнца, и упускать такой шанс было бы глупо.

Неожиданный звонок раздался в то время, когда девушка уже садилась в такси, чтобы ехать в аэропорт.

– Алина, здравствуйте, это Георг, – прозвучал в трубке низкий голос с едва уловимым акцентом, и сердце девушки тут же отчаянно заколотилось. –

Извините, что пропал так надолго. Неожиданно понадобилось срочно уехать домой, причем внезапно. Вот только что вернулся в Москву, сошел с самолета и сразу звоню вам. Вы могли бы встретиться со мной сегодня вечером?

– Увы, нет, – отвечала Алина не без досады. – Так получается, что вы из самолета, а я – в самолет. Улетаю в Японию и вернусь только через неделю.

– Как жаль, – слышалось в трубке. – Но вы позволите мне позвонить вам, когда пройдет эта неделя?

– Ну, конечно! – воскликнула Алина. И сделала это намного быстрее и намного радостнее, чем позволяли правила приличия при разговоре с, в общем-то, совершенно незнакомым человеком.

Глава четвертая

Нам не дано предугадать...

Переговоры в издательстве прошли успешно, и даже осталось время на то, чтобы осмотреть незнакомую страну. В самый последний день, перед вылетом, Алина по рекомендации сопровождающей ее переводчицы, заглянула в модный салон.

Молодой стилист, одетый строго и лаконично в черные брюки и белую рубашку, усадил Алину в кресло. Пока его помощница мыла ей голову и расчесывала волосы, сам мастер, которого звали Кацухиро, на хорошем английском расспрашивал клиентку о Москве, о ее профессии, увлечениях, друзьях, о том, есть ли у нее муж или бойфренд и чем он занимается. Сначала Алина посчитала это ничего не значащей светской беседой, потом слегка удивилась его любопытству, а в конце не знала, что и думать, пока стилист не остался с ней один на один и, спокойно глядя на нее в зеркало, не сказал:

– Вам надо стать чуточку безумной.

Алина хотела рассмеяться, но вместо этого поперхнулась и закашлялась.

– Только этого мне не хватало... – проговорила она, когда кашель прошел.

– Именно этого вам и не хватает, – совершенно серьезно заметил Кацухиро. – Отпустите себя на волю, и перед вами откроется совершенно иной мир, полный любви, а не обязательств.

«Наверное, вот так и чувствуют себя люди, попав на прием к психоаналитику, – подумала Алина. – Что-то мне как-то не по себе...»

Но молодой японец не дал ей додумать эту мысль, а уж тем более попытаться сбежать.

– Вы позволите мне раскрыть вашу индивидуальность так, как вижу ее я? Вы даете мне свободу действий?

Что ж это такое, а? Ее все еще не отпускал необъяснимый страх, но губы уже сами собой произнесли отважное «да». Будь что будет! Даже если то, что получится, ей не понравится, в крайнем случае можно по приезду в Москву сразу пойти в салон к своему проверенному мастеру Наташе.

– Я согласна! – решительно воскликнула Алина.

Стилист кивнул и принялся за дело. Она почему-то ждала, что ее отвернут от зеркала, как это обычно происходит в телевизионных шоу, но нет – она могла видеть все происходящее в отражении. Ей накладывали какие-то маски на волосы и лицо, смывали и накладывали снова. Миниатюрная девушка колдовала над ее руками и ногами, другая, поигрывая кисточкой, сидела напротив и о чем-то переговаривалась с «главным волшебником».

Наконец Кацухиро взял в руки ножницы и стал, как скульптор, отсекал от ее волос лишнее. Длинные пряди медленно падали на пол, на накидку, и Алина зажмурилась от страха: неужели короткая стрижка? Когда «волосопад» прекратился, она осторожно приоткрыла один глаз, затем другой. Слава богу, не стрижка, а только асимметричная прическа. Мастер состриг часть волос с левого бока, часть закрутил в замысловатый узел на затылке, а остальные в подчеркнутом беспорядке уронил на плечи. За дело принялась девушка с кисточками и палеткой.

Алина едва успела расслабиться под ласковыми руками визажиста, как вдруг почувствовала, что на ее ноги примеряют обувь. Когда макияж, долгий и сложный, был закончен, Кацухиро повел свою клиентку в соседнюю комнату. В кабинке для переодевания висело несколько нарядов и стояли стопкой коробки с обувью, и Алине объяснили, что она может выбрать что-то из этого для себя.

После долгих раздумий Алина остановилась на платье с ярким сиреневым принтом – широким и с длинным рукавом, по сезону, но совсем коротком, и высоких сапогах.

– Я никогда в жизни не носила мини... – бормотала Алина, влезая в платье.

И вот наконец-то девушка была готова и испуганно уставилась на свое отражение в большом зеркале. Это была Кира?.. Да нет же, это была она, Алина! Только очень красивая, но не той, привычной ей русской красотой, а экзотической, вызывающей, манящей...

– Как я прекрасна! – сказала она и повернулась к мастеру. Тот стоял, скрестив руки на груди, явно гордясь своей работой. – Как вы прекрасны! – голос ее прервался от нахлынувших чувств. – Я никогда не представляла, что могу быть такой...

Кацухиро склонил перед Алиной голову:

– Вы можете. Вы такая. Полюбите себя такой.

Ей захотелось расплакаться. Но нет, она не будет плакать. Она будет улыбаться. Идти по улицам яркого вечернего Токио, улыбаться и радоваться тому, что только здесь ее увидели такой безумно красивой.

От счастья Алина взмахнула руками и закружилась прямо на улице. Прохожие улыбались и обходили ее стороной. Слезы то ли радости, то ли печали незаметно растворялись в разноцветных огнях японской столицы. Что ж, сейчас она точно знает, что оставила здесь часть себя. А значит, когда-нибудь вернется сюда снова...

* * *

– Боже правый, что ты с собой сделала? – именно такими словами встретила дочь Софья Альфредовна, приехавшая за ней в аэропорт. – Ты похожа на какое-то пугало... сбежавшее из сумасшедшего дома!

– Здравствуй, мама, я тоже очень рада тебя видеть, – сдержанно ответила Алина.

Слова Софьи Альфредовны больно укололи в сердце, хотя вроде бы Алина и была готова к подобной реакции. Слишком хорошо она знала свою маму, чтобы понять, что новый «японский» имидж той не понравится. А когда Софье Альфредовне что-то не нравилось (что случалось весьма часто), она не считала нужным выбирать выражения и не задумывалась о том, как сказанное ею воспримут другие люди. Собственно, Алина и не ожидала ничего другого. Но все равно было очень обидно. Так уж повелось, что замечания близких, особенно родителей, всегда задевают нас сильнее, чем подковырки кого-то постороннего. Наверное, это идет из детства, когда мы готовы из кожи вон лезть, только чтобы заслужить одобрение мамы или папы, а их критика воспринимается как самая страшная на свете трагедия. Мы вырастаем, перестаем быть детьми, приобретаем собственные взгляды на вещи, но зависимость от мнения родителей все равно остается. Даже если мы делаем вид, что это не так. Даже если не признаемся в этом самим себе.

Так что Алине стало очень неприятно, но она все же взяла себя в руки. Как ни в чем не бывало чмокнула маму в щечку и покатила свой чемодан к ближайшему выходу из здания аэропорта.

– Как вы тут без меня? – интересовалась она на ходу. – Как твое самочувствие? Как дела у папы? Как вы вообще тут без меня живете?

– А вот поехали сейчас к нам, и посмотришь, как мы живем. Заодно расскажешь, как съездила, – предложила Софья Альфредовна, шагая рядом с ней по направлению к автомобильной стоянке. Но Алина только покачала головой.

– Извини, мам, никак не могу. У меня в семь часов встреча с читателями в «Доме книги» в Медведкове. Прямо, что называется, с корабля на бал. Так что я еле-еле успею заехать домой бросить вещи.

– Надеюсь, ты не собираешься ехать на встречу с читателями в таком виде? – фыркнула Софья Альфредовна, подходя к своей серебристой «Тойоте».

– А что такого? – с вызовом проговорила Алина, открывая крышку багажника. – Между прочим, то, что ты сейчас видишь перед собой, – это работа визажиста, который на сегодняшний день считается в Японии одним из лучших.

– Ну, это японцы, что с них взять... – Софья Альфредовна пожала плечами, уселась на водительское сиденье и вставила ключ в замок зажигания. – Спасибо, хоть налысо тебя не обрили. И сколько уже раз я тебя просила не хлопать так сильно дверью!

– Извини, мама, – смутилась Алина, пристегиваясь. – Я задумалась. Перед встречей с читателями я всегда немного волнуюсь.

– Да было бы о чем волноваться! – Софья Альфредовна резко вырулила со стоянки. – И с кем встречаться! Тоже мне, важная публика...

– Ты можешь говорить о них что угодно, но я дорожу своими читателями, – привычно парировала Алина. Интересно, в какой уже раз они с мамой вновь затронули эту тему? За сотню она точно может ручаться.

– Как раз читателей-то среди них и нет, – усмехнулась Софья Альфредовна, выделив слово интонацией. – Одни читательницы. Одинокие неустроенные женщины, живущие несбыточными мечтами.

– Что же плохого в мечтах, мама? – возразила дочь, но у матери и на этот счет имелось свое мнение.

– А то, что жить надо в реальности, а не в фантазиях! – объявила она. – Обращать внимание на тех мужчин, которые рядом, а не грезить о прекрасных принцах. После твоих книг каждая может возомнить, что обязательно найдет себе супермужчину – и красивого, и богатого, и заботливого, и любящего... А таких вообще на свете не бывает!

– Но ты же однажды встретила папу, – улыбнулась Алина. – Он и красивый, и добрый, и богатый, и заботливый. Почему же ты считаешь, что и у других

женщин не может быть так же?

– Ну, ты скажешь! – фыркнула Софья Альфредовна. – Уж кто-кто, а твой отец совсем не прекрасный принц, мне ли этого не знать...

– А хочешь, мы съездим в «Дом книги» вместе? – предложила Алина. – Мне кажется, тебе это будет интересно. Увидишь своими глазами моих «неустроенных» читательниц.

Но мама только отмахнулась:

– Будто я их не видела! Что вы за поколение такое, не пойму... Вроде все при вас: симпатичные, образованные, характер нормальный, у многих и доход неплохой – а мужа нет. То ли привередничаете сильно, то ли действительно мужчины в наш век вообще перевелись... Остался только такой мусор, как эти твои поклонники, Димки-Петьки и этот, как его там...

После таких слов Алине просто нестерпимо захотелось рассказать о Георге, так прямо и подмывало. Но она сдержалась – боялась сглазить. А ну как у них с Георгом ничего не получится? Нет уж, пока маме нельзя о нем ничего говорить, так будет лучше для всех. И потому она прикусила язык и заговорила совсем о другом:

– Как думаешь, сколько нам ехать? За полтора часа доберемся?

– Уж постараюсь, – заверила мама, лихо трогаясь с места, едва сигнал светофора сменился на зеленый. – Сама понимаю, что тебе лучше не опаздывать. А то еще разбегутся все твои читатели... Ну да ладно, хватит о них. Расскажи лучше, как прошли переговоры и вообще, какие у тебя впечатления от поездки. А то я умираю от любопытства!

Софья Альфредовна действительно постаралась, и Алина оказалась дома вовремя, даже несмотря на пробки. Быстренько приняла душ, переделалась в то самое сиреневое платье из салона, поправила перед зеркалом прическу (что бы ни говорила мама, сама себе она в таком виде нравилась!), освежила макияж и помчалась в Медведково, на ходу набирая номер своего литературного агента.

Ее агент Жанна встретила Алину у входа в магазин и по привычке сразу же затараторила, не умолкая, обо всем сразу:

– Привет, дорогая, прекрасно выглядишь! Новая прическа, да? И платье... Тебе идет. А у нас уже все готово. Пойдем, покажу. Народу пока не слишком много, но это не страшно, большинство подойдет попозже, когда услышит объявления по радио. Твои документы из Японии уже пришли, я их отправила юристам. А вообще должна тебе сказать: все издательство судачит, как тебе повезло с этими японцами. Кое-кто просто лопается от зависти...

Рассказывая все это, Жанна ловко увлекала за собой Алину через шумный и многолюдный торговый зал, уверенно лавируя между людьми и стеллажами. Впрочем, дорогу Алина и сама знала – она уже неоднократно выступала здесь и любила этот книжный магазин за его какую-то особенную, уютную, почти домашнюю атмосферу. Встречи с читателями всегда проходили тут более приятно и неформально, чем в других местах, во всяком случае, так считала Алина.

Очутившись на месте, она поздоровалась с теми, кто уже пришел, и как раз расположилась за отведенным ей маленьким круглым столом у стенда с рекламой ее последнего романа, когда по внутреннему радио вновь объявили о встрече с писательницей Алиной Белкиной. Жанна оказалась права – вскоре ряды стульев, до этого почти пустые, стали понемногу заполняться. Алина украдкой оглядела собравшихся, чувствуя себя как начинающий актер, который перед спектаклем смотрит через щелочку занавеса, какой сегодня зритель. И в этот раз состав ее ничем не поразил. Мужчин всего двое, обоим хорошо за пятьдесят, оба со спутницами, вероятнее всего, с женами. А остальные все женщины, причем самого разного возраста, от хихикающих школьниц, класса максимум из восьмого, стайкой присевших на последнем ряду, точно воробушки на кусте, до тяжело опирающейся на трость седовласой дамы в поношенной шубе и в шляпке. Сегодня Алина рассматривала собравшихся особенно внимательно: неужели перед ней сплошь несчастливые одиночки, как считает мама? Вот эта молоденькая девушка с короткой стрижкой, уткнувшаяся в свой планшет, – да просто не может быть, чтобы у такой хорошенькой девчушки не было толпы поклонников. Или вон та красивая и элегантно одетая брюнетка восточного типа, которая разговаривает с кем-то по айфону и то и дело прерывает беседу переливчатым смехом, неужели она одинока? Или вот эта блондинка, изучающая свои пухлые губы в маленьком зеркальце? У нее вроде и кольцо на пальце... Точно это обручальное кольцо. Так что мало ли что говорит

мама!

Встреча началась вовремя и пошла своим чередом. Сначала директор магазина представляла Алину собравшимся, и те встретили писательницу аплодисментами. Потом взяла слово Жанна, которая никогда не могла отказать себе в удовольствии выступить на публике, и рассказала «о творчестве Алины Белкиной», щедро расточая хвалебные эпитеты. Всякий раз, слушая своего литературного агента, Алина даже немного завидовала ей, ее бойкой речи и уверенности, с которой та держалась. Сама она не любила публичности, выступать перед аудиторией было непросто, писать получалось всегда легче, чем говорить. Особенно на личные темы. Раскрываться и откровенничать перед незнакомыми людьми не хотелось, но это были ее читатели, и они наверняка ждали от нее повествования не менее увлекательного, чем ее романы. И, чтобы не разочаровывать их, Алина взяла слово. Чаще всего она говорила по давно заготовленной и обкатанной схеме, но каждый раз старалась по ходу немного импровизировать.

Следуя этой схеме, Алина рассказала, как начала писать, какой была ее первая публикация, когда пришел успех, как возникают сюжеты – в общем, все то, что обычно интересует людей на подобных встречах. Затем так же привычно она отвечала на вопросы: что она сама любит читать, кого считает своими любимыми писателями и учителями, кто из ее героинь ей больше нравится, собирается ли она попробовать себя в другом жанре, что может посоветовать начинающим писателям и так далее. Постоянных читательниц интересовала дальнейшая судьба героев любимых книг, и автор, вспоминая, как сама когда-то захлеб читала романы и мечтала об их продолжении, тут же на ходу сочинила и рассказала новую забавную историю из жизни персонажей своей последней книги. Две читательницы, взяв слово, сделали комплименты ее новому имиджу, и Алине это было особенно приятно.

Когда вопросы иссякли, Алина обвела взглядом лица слушателей и решила, что уже пора переходить к заключительной части встречи, иначе еще чуть-чуть – и люди заскучают. Вон, блондинка снова взялась за свое зеркальце, а пожилой мужчина на втором ряду уже который раз украдкой зевнул.

После этого взгляд Алины обратился ко входу в зал и случайно встретился со взглядом только что появившегося там мужчины лет тридцати. Вот уж кто никак не походил на ее читателя! Алина сразу отметила, что вошедший очень хорош собой, и цепким писательским (или все-таки женским?) взглядом стала изучать

его высокую спортивную фигуру, приятное лицо, густые светло-русые волосы, стильную и неброскую, но явно брендовую одежду и обувь. Судя по легкой, не по сезону, куртке, она заключила, что мужчина приехал сюда в автомобиле, и предположила, что это явно не подержанные «Жигули». «Красивый, успешный, обеспеченный, уверенный в себе, – тут же пронеслось в голове. – Ну, прямо герой моих книг! Наверное, пришел встречать кого-то. Интересно, кого же?»

Мужчина не старался привлечь к себе внимание, но как-то само собой вышло, что подавляющее большинство читательниц повернули головы в его сторону. Но объект их внимания будто даже не заметил проявленного к нему интереса, только помахал кому-то и показал жестом, что будет дожидаться в торговом зале. Это окончательно подтолкнуло Алину к мысли, что пора закругляться.

– Еще у кого-нибудь есть вопросы? – спросила Алина. И руку подняла миловидная девушка с планшетом.

– У меня к вам личный вопрос, – начала она, привстав со стула. – Ну, не совсем личный, но все-таки... – и, словно почувствовав, как едва заметно напряглась Алина, торопливо добавила: – Но вы можете не отвечать, если не хотите.

Все тут же рассмеялись, хотя было видно, что девушка многих заинтриговала.

– Я вас слушаю, – подбодрила ее Алина. Она рассмотрела девушку повнимательнее: действительно, очень хорошенькая. И была бы еще лучше, если б не вся эта дань современной молодежной моде: цветные прядки-перышки в коротко стриженных волосах, нарочито-грубоватые пальто и обувь в стиле унисекс, несколько сережек в мочке маленького уха, кажется, это называется туннель...

Девушка явно волновалась, лицо ее порозовело, но она продолжала все так же бойко:

– Я не знаю, есть ли у вас муж или любимый человек... Нет-нет, я не собираюсь вас об этом спрашивать! – тряхнула она короткими волосами. – Но если он есть... или был, то скажите, пожалуйста, похож ли на него кто-нибудь из ваших героев? И на кого?

Девушка быстро села, и все присутствующие с любопытством посмотрели на писательницу, ожидая, что она ответит. Не стал исключением и стоявший у входа мужчина. Он тоже выжидательно глядел на Алину, улыбался, и его улыбка отчего-то показалась ей ироничной, даже насмешливой.

В первую минуту Алина слегка растерялась. Как ни странно, но подобного вопроса ей еще никогда не задавали. О личной жизни спрашивали, конечно, практически на каждой встрече, и Алина давно привыкла с улыбкой отвечать, что предпочитает не распространяться на эту тему, что личная жизнь потому и называется личной, что не касается посторонних. Но сейчас все было иначе. Во-первых, вопрос был не о ее кавалерах, а о героях ее книг. А во-вторых, мужчина у входа тоже с интересом смотрел на нее, и Алине совсем не хотелось, чтобы он подумал, будто она никому не нужна или... В общем, подумал бы что-нибудь не то. И она улыбнулась девушке.

– А я уже мысленно приготовилась к чему-то очень каверзному... Но все оказалось не так страшно. Вы правы, это действительно личный вопрос, но, пожалуй, я отвечу. Знаете, я много раз слышала выражение, что мысли могут материализоваться, но никогда особенно не верила в это. Однако недавно я начала писать новый роман, он будет называться «Белый танец». И, представляете, буквально спустя несколько дней я встретила человека, который удивительно похож на героя моей новой книги. Такое чувство, что он просто сошел с ее страниц. После этого знакомства моя жизнь в корне изменилась. Не хочу ничего загадывать, чтобы не сглазить, но... – Алина многозначительно замолчала, предоставив зрителям самим додумывать подробности ее love story. Зрители захлопали, и их нестройные аплодисменты окончательно поставили точку.

– Что ж, благодарю за внимание, – не без внутреннего облегчения произнесла Алина. – Наша встреча подошла к концу. Если у вас есть желание получить мой автограф, прошу. А если у кого-то есть не только желание, но и возможность поблагодарить за гостеприимство наших замечательных хозяев, купив здесь мои книги, буду рада тут же их подписать.

Зрители задвигали стульями, поднимаясь с мест. Жанна тут же подлетела к Алине и тихо шепнула:

– Ты молодец, как ловко пропиарила свой новый роман!

Алина хотела возразить, что даже и не думала этого делать, но промолчала. Пусть лучше это будет считаться рекламным ходом, чем глупыми сентиментальными откровениями автора или тем более ее неуклюжей попыткой набить себе цену в глазах блондина у входа. Она переключилась на читательниц, выстроившихся к ней в очередь, отработанным до автоматизма движением брала из их рук книги, вкладывала внутрь подготовленные Жанной закладки, спрашивала имя и оставляла свой автограф.

Время от времени она поглядывала в сторону заинтересовавшего ее мужчины. Тот все еще терпеливо дожидался свою знакомую, перебирая книги на полке, одни пролистывал, другие сразу же возвращал обратно. Алина старалась не выпускать его из вида, ей было очень любопытно, кого же именно он ждет. Мысленно она сделала ставку на блондинку с пухлыми губами или на восточную красавицу, и ей не терпелось узнать, кто же это из них.

– А когда выйдет ваша новая книга «Белый танец»?

Алина подняла голову и увидела лицо девушки, той самой, с планшетом, которая задала ей «личный» вопрос. Вблизи та выглядела совсем юной – максимум лет семнадцать.

– Пока я только начала работу, – улыбнулась Алина. – Но очень надеюсь, что закончу в срок. И роман выйдет в августе. На чье имя подписать книгу, как вас зовут?

– Настя, – зарумянилась девушка. – И можно еще один экземпляр? Это для моей тети, ее зовут Александра...

Настя оказалась последней в очереди, после нее наступило затишье. Алина посмотрела ей вслед и как раз застала момент, когда та с разбегу напрыгнула на привлекшего внимание Алины незнакомца и обняла его за шею. Ничего себе!

«Ничего себе...» – еще раз повторила про себя Алина, с удивлением наблюдая эту сцену. Пара уже в обнимку выходила из магазина, а она все раздумывала над тем, что у этих двоих может быть общего. Он – настоящий герой романа, состоявшийся, уверенный в себе, тридцатилетний мужчина. А она – совсем ребенок, современная тинейджерка со всеми из этого вытекающими. Ну да, хорошенькая, но все-таки слишком для него юная.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Полианна – героиня опубликованного в 1913 году романа-бестселлера американской писательницы Элеонор Портер (1868–1920). Жизненный принцип Полианны – так называемая The Glad Game («игра в радость»), которая помогает находить даже в самых негативных явлениях позитивные моменты и благодаря этому менять свое отношение к грустным и проблемным ситуациям, позволяя справляться с ними.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/oleg-roy/geroy-ee-romana>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)